

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ ("КРУГЛЫЙ СТОЛ" КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ПОЛИТОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА И ЖУРНАЛА "ГОСУДАРСТВО И ПРАВО")

"Круглый стол" кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала "Государство и право" посвящен обсуждению включенного в программу магистерского обучения курса "История и методология юридической науки". Отмечено, что затронутые вопросы представляются весьма важными не только в деле разработки и совершенствования "Истории и методологии юридической науки" как учебной и научной дисциплины, но также и для повышения качества юридического образования в целом.

"Round Table" of chair of theory of state and law and political science of the law faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov and of the journal "State and Law" devoted to the discussion included in the program of master study course "History and methodology of legal science". It is noted that the issues raised are very important activity not only in the development and improvement of "History and methodology of legal science" as an academic and scientific discipline, but also and to improve the quality of legal education in general.

Ключевые слова: юридическая наука, общая теория права, философия права, социология права, история государства и права, догма права.

Key words: legal science, General theory of law, philosophy of law, sociology of law, history of state and law, a dogma of law.

22 октября 2015 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялся "круглый стол", посвященный обсуждению "Истории и методологии юридической науки" как учебного курса и научной дисциплины.

В заседании "круглого стола" приняли участие профессорско-преподавательский состав юридического и философского факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российского государственного университета правосудия, редакция журнала "Государство и право".

Заседание "круглого стола" открыл **зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ М.Н. Марченко.**

Сегодняшнее заседание "круглого стола", инициированное кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журналом "Государство и право", посвящено обсуждению включенного в программу магистерского обучения курса "История и методология юридической науки". На заседание приглашены не только специалисты в области теоретико-правовой науки, но также историки, философы, социологи, в той или иной

степени связанные с подготовкой данного курса и с преподаванием этой дисциплины.

Введение курса "История и методология юридической науки" в систему юридического образования ставит ряд вопросов, которые подлежат обсуждению.

Во-первых, следует уяснить причины появления данной дисциплины и ее роль в системе юридического образования. Вызвано ли её появление и "внедрение" в образовательный процесс реальными, теоретически и практически значимыми причинами и потребностями – своего рода "вызовами времени" или же она порождена под воздействием очередной околонаучной и околообразовательной конъюнктуры? Ведь вопросами истории и методологии юридической науки в системе российского юридического образования в той или иной мере фактически занимались всегда, хотя и не было специальной, отдельно выделенной дисциплины, предметом которой были бы история и методология юридической науки.

Во-вторых, введение данного курса ставит проблему возможного дублирования им других дисциплин. В этой связи требует обсуждения вопрос о соотношении "Истории и методологии юридической науки" с другими историческими и теоретическими предметами, которые уже находятся в сетке нашей учебной программы. Речь идет о таких дисциплинах, как история государства и

права, история политических и правовых учений, общая теория государства и права, проблемы теории государства и права, философия и философия права, социология права, сравнительное правоведение. В названных сопредельных дисциплинах хотя и в разной степени, но неизбежно затрагиваются вопросы истории и методологии различных сторон и аспектов юридической науки.

В-третьих, новый курс ставит проблему единства методологии юридической науки. Подлежит серьезному рассмотрению вопрос о характере и особенностях соотношения общей методологии юридической науки, традиционно затрагиваемой (хотя и в “усеченном виде”) в курсе теории государства и права, и методологии отраслевых юридических наук. Вполне естественно при этом встает также вопрос относительно того, является ли юридическая наука как явление в целом совокупностью отраслевых юридических наук? Соответственно, допустимо ли рассмотрение её методологии в виде некоей совокупности методологических подходов и исследований, проводимых в рамках отраслевых юридических наук? Иными словами, сводится ли методология всей юридической науки в целом к “суммативной” или “интегрированной” методологии отраслевых юридических наук или же она представляет собой нечто иное?

Эти и другие им подобные вопросы, касающиеся содержания и преподавания курса “История и методология юридической науки”, несомненно, нуждаются не только в обстоятельном обсуждении, но и в обоснованном решении. Это имеет огромное значение в плане как более чёткого определения предмета рассматриваемого курса, так и совершенствования его содержания.

В-четвертых, введение курса “История и методология юридической науки”, равно как и любого иного курса, в систему юридического образования порождает ряд вопросов, касающихся разработки соответствующих учебных планов и программ, подготовки добротных учебников и учебных пособий, подготовки квалифицированных кадров, что требует к себе не только особого внимания и всестороннего обсуждения, но и своевременного решения.

Все перечисленные вопросы представляются весьма важными не только в деле разработки и совершенствования “Истории и методологии юридической науки” как учебной и научной дисциплины, но также и для повышения качества юридического образования в целом.

Н.В. Кроткова, заместитель главного редактора журнала “Государство и право”, канд. юрид. наук

Проводимый “круглый стол” – симптоматичное событие в нашей научной жизни. И дело не только в том, что в рамках магистратуры появилась новая учебная дисциплина “История и методология юридической науки”, преподавание которой требует, конечно, широкого обсуждения. Представляется, что пришла пора подвести некоторые итоги развития отечественной юридической науки за последние 25 лет. Страна вступила в новую формацию, говоря языком марксизма, живет в новых экономических и политических условиях, что не могло не отразиться на темпах и основных направлениях эволюции юридической науки, на ее структуре, теоретическом содержании, кадровом и материальном обеспечении. Сама идея всестороннего и системного анализа юридической науки, ее истории и теории витает в воздухе и требует своей реализации.

Институциональное становление теоретической и практической юриспруденции, которое мы наблюдаем в Европе и России за последние два века, позволяет сделать вывод о наличии двух основных векторов ее развития – дифференциации и интеграции. Благодаря нарастающему массиву новых общественных отношений юридическая наука все больше дробится, появляются новые отрасли юридического знания. При этом она не перестает быть единой. Более того, проходящая дифференциация, уплотняя ткань научных исследований, ведет к формированию междисциплинарных связей. Показательный пример – система современного российского права, которая развивается по двум основным направлениям: во-первых, по пути отпочкования одной отрасли права от другой (жилищное право – от гражданского права, налоговое и банковское право – от финансового права и т.д.); во-вторых, по пути формирования комплексных отраслей права (земельное, информационное, образовательное, спортивное право и т.д.). Система права и система законодательства, рожденные самой жизнью, предопределяют структуру и междисциплинарные связи юридической науки. Единство нормативной системы, осуществляющей правовое регулирование страны, обуславливает единство отраслевой юридической науки.

Особый вопрос – блок научных дисциплин, иногда прямо не связанных со сферой правового регулирования: “Общая теория права”, “Философия права”, “Социология права”, “Антропология права”, “Сравнительное правоведение”, “История

государства и права”, “История политических и правовых учений”. На первый взгляд может показаться, что тематический и методологический разброс между самими этими дисциплинами, между ними и отраслевой юридической наукой, между теоретико-историческими дисциплинами и юридической практикой настолько велик, что говорить о единстве юридической науки не приходится. Однако это только на первый взгляд. Единство юридической науки определяется одним простым фактом: все они изучают государство и право. Конечно, государство и право изучают многие неюридические науки: философия, социология, история, культурология, политология, политическая география, политическая психология. Здесь политико-правовые институты рассматриваются под углом зрения данных неюридических наук, хотя элементарные юридические знания, конечно, используются. Как можно оперировать категориями “государство” и “право”, не будучи уверенным в их более или менее точном содержании? Особенность теоретико-исторических наук юридического профиля состоит в том, что они активно используют в своих исследованиях догматический компонент, выработанный отраслевой юридической наукой. Вот здесь и проявляется единство юридической науки. Что значит рассмотреть государство и право, правоприменительную практику с юридической точки зрения? Это означает формализовать знание о государстве и праве, привести их свойства в соответствие с логикой юридического мышления, т.е. выработать юридический понятийный аппарат. В дальнейшем общая теория права, история государства и права, философия права, социология права, сравнительное правоведение будут в полной мере его использовать, что и придаст этим исследованиям юридический характер. Таким образом, единство юридической науки в составе отраслевых и теоретико-исторических наук устанавливается благодаря единству предмета и методов.

Изложенная здесь аргументация носит, конечно, достаточно общий и абстрактный характер. Если подходить к юридическим наукам недогматического профиля конкретно, то все оказывается намного сложнее. Возьмем социологию права, которая примечательна тем, что безмерно расширяет понятие права до любой социальной нормы, фактически регулирующей общественные отношения. Социолог права как раз и отличается тем, что в его интерпретации право зачастую утрачивает юридический аспект, перестает быть правом в строго догматическом смысле. В этом случае социология права как бы отказывается от понятийного аппарата, выработанного догмой

права, порывает свои связи с юриспруденцией и становится чистой социологией. Л.И. Петражицкий, например, открыто призывал отказаться от догматической юриспруденции (она, на его взгляд, не отвечала духу подлинной науки) и создать новую юридическую науку на основе психологии и социологии. Или возьмите Гегеля, его “Философию права”, где он выступает в качестве философа, а не юриста. Догматический компонент у него почти полностью отсутствует, но на этом основании мы ведь не будем отрицать, что его работа – философия права. Значит дело здесь не только в использовании догматического компонента. Мы имеем дело с методологическим плюрализмом, а также со сложной комбинацией научных традиций, особенностей исследования государства и права, стереотипов научной среды, ее рациональных и мифологических представлений о науке. Единство юридической науки, разумеется, есть, но рассматривать его следует в контексте культурной традиции страны и с учетом мировой юридической мысли.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор филос. наук. *Юридическая наука: многообразие в единстве*

При всех многочисленных недостатках новая двухуровневая система высшего юридического образования дала и положительный результат: в учебных планах подготовки магистров появились новые исторические и теоретические дисциплины. Так, в настоящее время на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова магистрам читаются “История и методология юридической науки” (36 час.), “История отечественного правоведения” (48 час.), “История политических и правовых учений” (72 час.), “Проблемы теории государства и права” (32 час.), “Философия права” (32 час.), “Социология права” (36 час.).

“История и методология юридической науки” важна и как учебная, и как научная дисциплина. Как представляется, редкий специалист в той или иной отрасли юридической науки знает ее историю. В общих чертах, может, и знает, но детально – по историческим периодам, учебным и научным учреждениям, персоналиям, работам, внутринаучным дискуссиям, исторической обстановке – вряд ли. Где-то это можно понять, так как история юридической науки, насчитывающая уже сотни лет, – область специальных исследований, требующих многолетних усилий. История юридической науки – подлинная научная специальность, значение которой у нас недооценивалось.

В России XIX – первой трети XX в. работы по истории юридической науки писали, как правило, юристы, достигшие заметных результатов в своей отрасли права. Освоив свою отрасль, создав несколько фундаментальных монографий, они брались за написание ее истории. Такая практика понятна и оправдана: цивилисту, например, проводить исследование об истории уголовного или административного права было бы затруднительно, и наоборот. Иначе говоря, изучение истории юридической науки носило несистематический, фрагментарный, часто случайный характер. Следует констатировать, что в России за последние 150 лет трудов по истории мировой и русской юридической науки создано крайне мало, и они, конечно, не дают полной картины. В данной области нужны многочисленные профессионалы, способные восполнить данный пробел. В этом отношении новая дисциплина может дать сильный импульс для такого рода исследований.

“История и методология юридической науки” – дисциплина не только историческая, но и теоретико-методологическая. Строго говоря, это две разные дисциплины со своей спецификой по предмету и задачам исследования. Конечно, при изучении истории юридической науки невозможно игнорировать теорию и методологию той или иной отрасли, но здесь теоретико-методологический компонент носит иллюстративный, подчиненный характер. Главное в исследовании такого рода – конкретно-исторический анализ институционального становления юридической науки (отдельной отрасли) с детальным описанием учреждений, персоналий и источников. Теория и методология юридической науки – совсем другое дело, здесь на первый план выходят абстрактный, логический анализ, создание модели юридической науки, выявление ее структуры, прямых и обратных связей между ее элементами. К настоящему времени накоплен огромный массив зарубежной и отечественной литературы по теории и философии науки, методологии научного исследования. Многие из них – выдающиеся работы, не утратившие актуальности и способные быть основой для создания теории юридической науки. Представляется, что речь следует вести именно о создании теории юридического знания, так как работ в данной области почти нет (из классиков можно назвать, например, Г. Кельзена). Теория юридической науки полезна, в частности, тем, что позволяет выявить специфику юридического знания, степень его единства и одновременной дифференцированности, установить границы юридической науки, уровень ее связанности с другими науками. Все эти вопросы обычно излагаются в

первой главе учебников по общей теории права (как правило, схематично и бегло), т.е. формально присутствуют, но речь идет о том, чтобы развернуть их в подлинную теорию.

“История и методология юридической науки” не дублирует и почти не пересекается с другими историческими и теоретическими дисциплинами – “Историей государства и права”, “Историей политических и правовых учений”, “Общей теорией права”. Она имеет свою собственную нишу и вполне может претендовать на то, чтобы быть представленной в классификаторе ВАК. Так, название специальности 12.00.01 можно изложить в следующей редакции: теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; теория и история юридической науки.

Одна из важных, актуальных и отчасти болезненных тем теории и истории юридической науки – соотношение фундаментальной и отраслевой юриспруденции. Для представителей отраслевой юридической науки данная тема может и не представлять большого интереса, поскольку ее ценность не вызывает сомнений ни у власти, от которой зависит финансирование юридического образования и науки, ни у научного сообщества, ни у юристов-практиков. Практическая полезность гражданского или уголовного права очевидна, как очевидна полезность медицинских или технических наук. Когда же речь заходит о фундаментальной юридической науке, особенно о теоретической ее части (общей теории права, философии права, социологии права, истории политических и правовых учений), то здесь ее статус, полезность и необходимость постоянно ставятся под сомнение (явно или неявно, прямым или косвенным образом). И действительно, массовый абитуриент, поступая на юридический факультет, намеревается изучить именно отраслевую юридическую науку, а отнюдь не теорию или историю права. В восприятии многих (студентов и преподавателей) теория и история государства и права – вовсе не базовые, а всего лишь вводные дисциплины, необходимые студенту для успешного освоения отраслевой науки. Сама цель, специфика юридического образования, рынок труда, стремление получить крепкую практическую специальность, позволяющую зарабатывать на жизнь, – все это ориентирует студентов на освоение в первую очередь отраслевой юриспруденции. Фундаментальная юридическая наука отодвигается на периферию внимания студентов, юристов-практиков и, наконец, власти, что влечет за собой сокращение часов, штатов и финансирования.

Нарисованная картина — не новость для преподавателей и студентов юридических вузов, она дается лишь для того, чтобы подчеркнуть контраст между догматической и фундаментальной юриспруденцией. Дело истории и теории юридической науки — понять особенности становления и взаимосвязи между этими ее составными частями, установить подлинные и мнимые достоинства каждой из них и представить научному сообществу и государству адекватную модель современной юридической науки.

Сопоставим догматическую и фундаментальную юриспруденцию континентальной Европы и России по нескольким параметрам.

Происхождение. Отраслевая юридическая наука современного типа (в составе гражданского, государственного, административного, уголовного, процессуального права) появляется на рубеже XVIII–XIX вв. Начинает формироваться примерно с XIII в. как рецепция римского права (прежде всего гражданское право). Главная причина ее возникновения — потребности практики. Создавалась она в основном юристами. Испытала весьма незначительное влияние со стороны религии и философских школ (естественно-правовой и исторической школ права). Все эти причины обусловили высокую степень гомогенности, однородности догматической юриспруденции.

Фундаментальная юриспруденция возникает примерно в это же время. В период XIX — начала XX в. она включала в себя несколько компонентов: философия права, история философии права, энциклопедия права, история государства и права, общая теория права, сравнительное правоведение, политика права, социология права. Основная причина ее возникновения — потребность в познании. Фундаментальную юридическую науку наряду с юристами разрабатывали и неюристы: теологи, философы, историки, социологи, что изначально вносило в нее неюридический компонент и делало ее эклектичной, рыхлой, противоречивой. Она испытала значительное влияние со стороны религии и философских школ. Одно из следствий эклектического состояния фундаментальной юридической науки — размытые границы между ее дисциплинами, пересечение их по предмету исследований и проблемной тематики, бесконечный и бесплодный спор об их статусе в юридической науке.

Задачи и предмет. Перед догматической юриспруденцией стоят три главные задачи: 1) разработка юридических конструкций и подготовка нормативных актов; 2) обобщение юридической практики и выработка рекомендаций для

правоприменителя (комментарии, толкование); 3) подготовка юридических кадров для науки и практики. Предмет отраслевой науки — позитивное право и практика его применения, а также общественные отношения (в части, необходимой для создания юридических конструкций). Характер предмета определяет специфику догмы права как науки. Поскольку позитивное право носит рукотворный характер, законы его построения и функционирования относительны. Позитивное право — это мир искусственно созданных юридических конструкций, фикций, относящихся в первую очередь не к жизни, не к действительности, а к сфере мысли, к логике. Позитивное право есть мир долженствования, где власть волевым образом устанавливает нормы поведения. Между юридической догматикой и действительностью стоит позитивное право, что делает отраслевую науку далекой от жизни. Вместе с тем позитивное право вполне можно рассматривать как факт жизни: догма права, отражая фактические отношения, есть в известном смысле сама жизнь, хотя и формализованная. В этом смысле догма права имеет дело с жизнью, а не с фикцией.

Для сравнения с догматической юриспруденцией возьмем общую теорию права (весьма показательный элемент фундаментальной юридической науки). Общая теория права создается в последней трети XIX в. тремя группами юристов: философами, социологами и отраслевиками-догматиками. Отраслевиками (Г.Ф. Шершеневич) предполагали, в частности, создать общую часть, общую догму права, способную быть универсальной для любой отраслевой науки. Таким образом, общая теория права изначально имела комплексный характер, включая в себя, как минимум, четыре компонента: исторический, философский, догматический, социологический. Именно догматический компонент сближает отраслевую юриспруденцию с общей теорией права, остальные три компонента — отдаляют. По предмету сходство общей теории права и догматической юриспруденции идет по линии догматического компонента. По линии трех остальных компонентов (исторического, философского и социологического) предмет общей теории права и догматической юриспруденции по большей части не совпадает. Все три недогматических компонента нацелены на изучение государства и права как социальных явлений (куда естественной частью входит законодательство). Законодательство здесь изучается не с догматической точки зрения, а как социальное явление. Закономерности, выявляемые общей теорией права в историческом, философском и социологическом аспектах, носят гораздо более широкий и

фундаментальный характер, чем закономерности, открываемые догмой права. В известном смысле можно сказать, что закономерности, открываемые догмой права, есть частный случай закономерностей, открываемых недогматической частью общей теории права.

Методология. На уровне формальной логики методы догматической юриспруденции и общей теории права совпадают.

Отраслевая юридическая наука по преимуществу использует формально-догматический метод, частично – социологический, исторический и философский (в разных отраслях – разная степень). Формально-догматический метод дает одностороннее (граничащее с искаженным) понимание о праве и государстве (например, конституционные нормы очень мало могут говорить о реальном государстве, а нормы гражданского права могут давать искаженное представление о подлинной правовой жизни страны (теневая экономика и т.п.)). Формально-догматический метод игнорирует проблему истины, главной в подлинной науке: формирование юридических конструкций никак не связано с выдвижением утверждений по типу “данное открытие есть истинное или ложное”. Формально-догматический метод страдает описательностью и не ведет к познанию сути государства и права.

Общая теория права использует все четыре метода (формально-догматический, социологический, исторический, философский) в одинаковой мере, что придает ей тот смысл, который наука приобретает в Европе в Новое время. Если отраслевая догматика – и наука (весьма специфическая), и искусство (правотворческая и правоприменительная деятельность), то общая теория права – только наука.

Уровень взаимодействия. Основная смычка между отраслевой и теоретико-правовой наукой проходит по догме права. В этом смысле степень зависимости общей теории права от отраслевой науки более высокая, чем отраслевой науки от теории права, так как общая теория права берет материал в отраслях, и ни как иначе. Общетеоретические догмы отраслевая наука, как правило, вырабатывает сама, особенно не нуждаясь в услугах общей теории права. Процесс перехода понятийного аппарата, выработанного общей теорией права, к отраслевой науке отличается фрагментарностью и случайностью. Разрыв между отраслевой наукой и общей теорией права начиная с последней трети XIX в. продолжает оставаться значительным и даже нарастать. Этому способ-

ствует и все большая дифференциация юридических наук.

Выводы. 1. Длинная дистанция между отраслевой и фундаментальной юриспруденцией – объективная закономерность и не следует этого бояться. Существенные различия данных двух частей юридической науки не только не нарушают ее единства, а напротив, взаимно дополняют.

2. Различия между отраслевой и фундаментальной юриспруденцией только подчеркивают ценность каждой из юридических наук. Призывы “усилить прикладную, практическую направленность общей теории права” идут от непонимания комплексного характера данной науки. Гипертрофия догматического компонента окончательно сделает общую теорию права придатком отраслевой науки, в котором она не очень и нуждается. Общая теория права не в силах конкурировать с отраслевой догматикой по части “прикладного, практического характера” и потому должна повышать свою роль за счет недогматических компонентов (исторического, философского и социологического). А лучше сказать – органический синтез догмы права, философии права и социологии права укрепит статус общей теории государства и права (как и других фундаментальных дисциплин) в качестве самостоятельной, вполне самодостаточной дисциплины, не являющейся придатком отраслевой догматики.

3. Следует признать отрадным тот факт, что наряду с общей теорией права в нашей юридической науке и образовании прочное место заняли философия права, социология права и сравнительное правоведение, да и сама история юридической науки. Все это лишь расширяет возможности фундаментальной юридической науки, делает ее более весомой в системе российской юриспруденции.

4. Поскольку от фундаментальной юридической науки нельзя требовать “повышения эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности”, ее здоровый тонус во многом будет зависеть от зрелости нашего научного сообщества и власти. Государство, научные и образовательные институты должны исходить из простой, но основополагающей мысли: фундаментальная юридическая наука самоценна, т.е. сама по себе представляет большую культурную ценность, как представляют ценность всякое научное познание и стремление к нему.

В.А. Томсинов, зав. кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук,

проф. Понятие юридической науки и ее роль в развитии и функционировании права

Юридическую науку обыкновенно отождествляют с юриспруденцией, а ее сущность связывают с процессом познания права. Юриспруденция (*jurisprudence*) – это “наука или философия права (*the science or philosophy of law*)”, – говорится в Уэбстеровском словаре нового мира¹. “Термин *юриспруденция* относится обыкновенно к науке или изучению права и сопровождает любое усилие определить, описать или концептуализировать природу права”², – отмечается в изданной в 2008 г. “Международной энциклопедии социальных наук”. Опубликованная в 2011 г. в США “Энциклопедия политической науки”, уподобляя юридическую науку юриспруденции, представляет ее как “изучение права в его самых широких формах”. При этом поясняется, что “исторически юриспруденция касалась ответа на два вопроса – один описательный, другой нормативный: что такое право и что такое правосудие (или каким целям должно служить право)? Ответы на эти вопросы в различные времена и у различных народов дают не только законодатели, судьи и правоведы, практикующие право, но и ученые, которые исследуют природу права и соблюдают право на практике”³. Современные российские ученые-правоведы также сводят юридическую науку к совокупности знаний о государстве и праве⁴.

Между тем, согласно доминирующей в науковедении точке зрения, наука не есть простая совокупность знаний: наука – это, *во-первых*, деятельность, направленная на получение новых знаний; *во-вторых*, – это деятельность, имеющая целью познание ради познания; *в-третьих*, признаком науки являются рационализм знания о том или ином явлении, стремление к рациональному объяснению его существа; *в-четвертых*, наукой может быть названа лишь системная совокупность знаний. Данные выводы означают, что не всякая юриспруденция обладает свойствами науки, но только высшая ее форма, которая появляется там и тогда, где и когда возникает потребность в системном познании сущности правовых явлений.

Однако предназначение юридической науки не ограничивается лишь познавательной функцией.

Научная юриспруденция всегда имела одновременно и познавательное, и служебное призвание: она являлась органом, обеспечивающим изучение, развитие и функционирование права.

Каким бы совершенным ни являлось действующее законодательство, оно не способно предусмотреть и определить все возможные правовые вопросы, устранить сомнения в значении тех или иных юридических категорий. В процессе применения правовых норм неизбежно возникают какие-то неясности, противоречия или просто пробелы, которые порождают споры и создают условия для произвола. Кроме того, существует постоянная потребность в поддержании единообразия в правовых нормах и принципах, создании определенного порядка в действии различных источников права, выработке строгой иерархии среди них и т.д. Решение подобных проблем призвана обеспечивать юридическая наука. Поэтому она служит важнейшим органом функционирования и развития права.

Юридическая история средневековой Европы показывает, что научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления играли огромную роль в нормотворчестве, разрешении судебных споров, формировании понятийного и терминологического аппарата права. Не случайно становление и упрочение системы королевских судов в европейских странах, прежде всего в Англии, во Франции, в Германии, сопровождались появлением множества юридических трактатов, в которых обобщалась и унифицировалась судебная практика, систематизировались нормы процессуального и материального права, объяснялась сущность правовых институтов.

Одним из первых среди таких произведений стал трактат “О законах и обычаях королевства Англии”, обыкновенно называемый “Глэнвилл” (*The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England commonly called Glanvill*). Его составление относится ко второй половине 80-х годов XII в., когда юстициарием при короле Генрихе II состоял Ранульф Глэнвилл. В первой трети XIII в. появился трактат под названием “Саксонское зеркало”, написанный немецким рыцарем, знатоком правовой культуры Саксонии Эйке фон Репковым. Приблизительно в 30–50-е годы XIII в. был составлен трактат “О законах и обычаях Англии” (*De Legibus et Consuetudinibus Angliae*), приписываемый Генри Брэктому. В начале 80-х годов XIII в. появился аналогичный трактат и во Франции, известный под названием “Кутюмы Бовези”. Его составителем был королевский балли в местечке

¹ См.: Webster’s New World Dictionary of American Language. New York, 1984. P. 766.

² International Encyclopedia of the Social Sciences. 2nd ed. Vol. 4. New York, 2008. P. 231.

³ The Encyclopedia of Political Science / Ed. by G.Th. Kurian. Vol. 3. Washington, 2011. P. 876.

⁴ См., например: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012. С. 13.

Бовези графства Клермон. В прологе к своему произведению он заявил: “Эту работу мы начинаем в такой манере, в какой желаем завершить, [составив] большую часть этой книги судебными решениями, которые были вынесены в наше время в вышеназванном графстве Клермон; а другую часть — понятными обыкновениями и понятными обычаями, которые могли быть применяемыми и признаваемыми долгое время; и другую часть из спорных случаев в вышеназванном графстве, судебными решениями из соседних замков; и еще одну часть — правом, являющимся общим по всему королевству Франции”⁵. Приведенные слова показывают, что трактат “Кутюмы Бовези” соединял в своем содержании нормы не только обычаев, но и судебных решений. Помимо местного права в нем излагалось и право, общее для всей Франции. Очевидно, что такая систематизация и обработка правового материала была необходима для поступательного развития права. Средневековые юридические трактаты сами по себе не являлись научными произведениями в строгом смысле этого слова, но их содержание оказывалось в значительной степени результатом применения научных принципов к обработке материала действовавшего права.

Эти факты показывают, что юридическая наука — это не какая-либо внешняя сила по отношению к праву: *на определенном этапе эволюции правовой культуры научные доктрины, научные принципы организации правового материала, научные формы правового мышления становятся неотъемлемой частью механизма развития действующего права, способом решения проблем, с которыми оно сталкивается.*

Одной из них является, например, проблема систематизации законодательства, которая неизбежно возникает при возрастании объема законодательной деятельности, которая, будучи ответом на конкретные общественные потребности, как правило, носит хаотичный характер. Лучший способ преодоления хаоса в законодательном материале — создание свода законов или кодекса. Однако такая работа предполагает применение научных принципов. Создатель Свода законов Российской империи М.М. Сперанский писал по этому поводу: “Опытность практического познания законов есть первая потребность в делопроизводстве. В приложении законов никакое умозрительное познание заменить ее не может; тут теория без опыта почти бесполезна, между тем как опытность и

без теории обойтись может. Но когда дело настояще о приведении законов в систему, тогда опытность одна недостаточна: здесь нужно познание начал, из коих каждый род законов проистекает, связь их между собою, пределы их и взаимные отношения; здесь нужна теория, с опытностью соединенная”⁶.

Повышенное значение юридической науки для действующего законодательства проявляется и в тех ситуациях, когда возникает потребность в проведении государственных реформ. Проведение таких реформ предполагает издание совершенно новых законов, создание правопорядка, которого прежде не существовало. Очевидно, что ведущую роль в этом случае может играть только юридическая наука, юридическая же практика оказывается здесь бесполезной.

Такая ситуация возникла в России в начале 60-х годов XIX в. при разработке проектов судебной реформы, когда император Александр II и его чиновники, занимавшиеся этой работой, осознали, что Российской Империи необходима принципиально новая судебная система, соответствующая потребностям развитого общества. Создать такую судебную систему возможно было только путем применения достижений юридической науки. Поэтому процесс подготовки судебной реформы был превращен в научно-исследовательскую по своей сущности работу в области правоведения, предполагавшую обобщение исторического опыта развития судебной системы в России, изучение современного судостроительства и судопроизводства в ведущих иностранных государствах, установление принципов и правил, на которых должна строиться новая судебная система России⁷.

Подобным же образом грандиозной научно-исследовательской работой в области гражданского права являлся и процесс разработки проекта Гражданского уложения Российской империи, который совершался начиная с 1882 г. и вплоть до начала Первой мировой войны⁸.

В свете таких фактов очевидно, что доминирующий в настоящее время взгляд на юридичес-

⁵ *Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Beavaisis. Next critique publiée avec une introduction, un glossaire et une table analitique par Am. Salmon. Tom premier. Paris, 1899. P. 3, 4.*

⁶ *Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о своде законов. СПб., 1833. С. 56, 57.*

⁷ См. об этом: *Томсинов В.А. Судебная реформа 1864 г. в России и ее воздействие на развитие отечественного правоведения // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2015. № 2. С. 22–40.*

⁸ См. об этом: *Томсинов В.А. Разработка проекта Гражданского уложения и развитие науки гражданского права в России в конце XIX — начале XX века. Статья первая // Законодательство. 2015. № 2. С. 88–94; Статья вторая // Там же. 2015. № 3. С. 88–94.*

кую науку не отражает подлинной ее сущности. Российские правоведы еще в XIX в. осознали, что научная юриспруденция – особенная наука по сравнению с другими отраслями научного знания. “Особенность юриспруденции в сравнении с другими практическими науками, – утверждал российский правовед К.К. Дыновский, – заключается в том, что она представляет весьма своеобразное сочетание задач практических с задачами не практическими; она притом не только наука, но и искусство. В умелом гармоническом сочетании обоих элементов, при котором правоведение, не поступаясь своим научным характером, может служить интересам действительной жизни, заключается вся задача, вся сила и вся прелесть правоведения”⁹.

Практический характер юридической науки проявляется особенно ярко в условиях правосудия, организованного на основе принципов состязательности, открытости и гласности, в рамках суда самостоятельного, не зависящего от давления чиновников и богатеев, – в судебном процессе, главное содержание которого составляет борьба юридических аргументов.

Если суд подчиняется только закону и стремится выносить юридически обоснованные решения, то судебная практика неизбежно сближается с юридической наукой. Отрыв же научной юриспруденции от судебной практики происходит чаще всего оттого, что судебные дела решаются не по закону, не по справедливости, не в интересах общества, а в угоду чьим-то корыстным интересам.

В условиях, когда лица, применяющие законы, заботятся прежде всего о том, чтобы правильно применить законодательные положения, в особой цене оказываются способности понимать и толковать смысл правовых норм, умение найти юридические основания для тех или иных действий или, напротив, обнаружить отсутствие таких оснований, навыки формулирования и аргументации юридических требований или ответов на них. Все эти способности, умения и навыки – все то, что составляет логику юридического мышления и опыт юридической деятельности, дар или талант юриста, вырабатываются в процессе изучения именно теоретического правоведения, научной юриспруденции. Иначе говоря, ***в условиях нормально устроенного общества, когда существует государство, в котором соблюдение закона, поддержание правопорядка есть высшая***

ценность, научная юриспруденция имеет в высшей степени практическое значение уже в силу того, что является научной. И чем более она соответствует критерию научности, тем большую практическую пользу приносит государству и обществу.

В.С. Кржевов, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. филос. наук. Некоторые актуальные проблемы философии и методологии науки о праве

Одной из важнейших задач теоретического правоведения всегда была и остаётся задача обоснования права. Её решение требует ответа на вопросы о его сущности, закономерностях возникновения и функционирования в разных социокультурных средах, а также причинах и механизмах изменения правовых систем. Обращение к истории философско-правовой мысли позволяет увидеть, что конкретные пути решения этой задачи обуславливались тем или иным пониманием сущности права. Так, например, в наследии Гегеля философия права суть “познающая себя идея права”; здесь право предстаёт как одна из форм бытия абсолютного духа, создаваемая его движением к самопознанию. В опоре на эту философскую догму формулируется представление о закономерности изменения форм права во времени, а тем самым объясняются его особенности в разные исторические эпохи.

Иное понимание сущности права предлагается в марксистской концепции, согласно которой право наряду с государством есть продукт классовой борьбы и служит важнейшим инструментом обеспечения господства класса собственников средств производства. И наконец, ещё один радикально иной подход в отечественном правоведении представлен трудами акад. В.С. Нерсисянца. В согласии с либертарной традицией этот исследователь полагал, что главная задача философии права – выяснение характерного для разных правовых систем соотношения права и закона. Как можно видеть, в такой трактовке предмета философии права также находит выражение определённое понимание его природы, поскольку с этих позиций форма закона не является единственно необходимой формой бытия права.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что удовлетворительное решение этих проблем невозможно без методологической рефлексии. Наряду с этим современный опыт методологических исследований показывает, что проблема обоснования какой-либо теории не имеет решения в пределах её собственного дискурса. Тем самым для того

⁹ Дыновский К. Задачи цивилистического образования и значение его для гражданского правосудия. Одесса, 1896. С. 26.

чтобы определить сущность права, нужно выйти за пределы языка юриспруденции, т.е. поднять исследование на более высокий уровень абстракции. Таковым является уровень философского, точнее социально-философского, рассмотрения, выражаемого в особых понятиях и категориях. В отношении языков правоведения категориальный аппарат философии выступает как метаязык.

Другая важная отличительная особенность социально-философского анализа – изучение общества в его системной целостности. Такой подход предполагает выделение образующих общество элементов и подсистем и их рассмотрение в интегративном и субстанциальном аспектах.

Применительно к изучению права как социального феномена эта методология рассматривает его с точки зрения места и роли в социокультурной реальности. Благодаря этому социальная философия позволяет получить ответ на вопросы: каковы специфические особенности права в сравнении с другими социальными явлениями, и как соотносятся между собой его различные исторические формы; каким состоянием социума право вызывается к жизни; каковы его субординационные и координационные связи с различными видами духовной и практической деятельности людей и формами общественных отношений? Важными задачами являются также изучение корреляций между правовыми системами и историческими типами общества, выяснение роли права в историческом изменении последнего. Как уже сказано, решение этих и ряда других вопросов позволяет выйти на определённое понимание сущности права; не трудно видеть, что, не имея чёткого о ней представления, правоведы впадают в путаницу и противоречия. Наиболее характерным примером здесь может служить известная дискуссия между “нормативизмом” и “децизионизмом”, в сущности, не затихающая и в настоящее время.

С учётом изложенного весьма плодотворным подходом к определению сущности права в наши дни представляется рассмотрение его как особой формы культуры.

Согласно современным представлениям культура понимается не суммативно как собрание неких ценностей, но функционально в соответствии с той ролью, какую она играет в деятельности людей. При таком понимании культура всякий раз предстаёт как системная совокупность особого рода информационных программ, в конечном счете обеспечивающих адаптацию общественных индивидов к наличным природным и социальным условиям существования. Среди этих программ

выделяется особый подкласс ценностно-нормативных установлений, принимаемых и разделяемых членами некоторого сообщества на основе консенсуса (такой консенсус нередко трактуется как “общественный договор”). Его достижение обеспечивает носителям определённой культуры возможность относительно упорядоченного взаимодействия. И напротив, разрушение этого рода соглашений практически всегда чревато существенными деформациями социального поведения и деструкцией общественных связей. В свете такого подхода наибольший интерес представляет вопрос о характере и причинах периодически происходящих в истории трансформаций ценностно-нормативных конвенций. Представляется, что проблема сущности права как особой формы нормативной регламентации поведения общественных индивидов наиболее корректно решается именно с этих позиций. Существо предлагаемого решения, если говорить коротко, состоит в следующем. При определённых условиях – достаточно высоком уровне специализации и разделении труда и нарастании имущественной стратификации – в обществе формируются слои и группы с разнонаправленными, порой весьма далеко расходящимися особыми интересами. В этом случае в целях предотвращения развития конфликтов, способных разрушить общество, часть норм, организующих социальное взаимодействие, преобразуется в нормы права. Их родовым отличительным признаком теперь является наличие специализированного института социального управления – государства, наделяемого монополией как на законотворчество, так и на применение принуждения к соблюдению введённых им правовых установлений.

Опуская целый ряд посредствующих соображений, необходимо обратить внимание на наличие впечатляющей повторяемости в истории философско-правовой мысли. Обращаясь к проблеме обоснования “позитивного права”, и философы, и правоведы практически всегда следовали одной и той же логической схеме, стремясь найти некую предельную “систему отсчёта”, соотношение с которой дало бы неоспоримый критерий оценки наличного законодательства. В Средние века эта задача решалась при помощи концепции заданного свыше “божественного закона”, что позволяло оправдать соответствующие правоустанавливающие и правоприменительные практики сословного государства. Начиная примерно с XVII в. (с развенчанием религии как источника безусловных истин) концепция “божественного закона” вытесняется идеей “естественного права”. Апеллируя к нему, можно было предъявлять

определённые требования к наличному законодательству; таковое в идеале должно было соответствовать “природе человека”. В представлении ряда теоретиков “естественного права” эта идея позволяла выявить и исключить из корпуса действующих законов те, что порождались сугубо корыстными устремлениями и произволом законодателя. Следуя этим путём, надеялись, наконец, обрести гармонию в человеческих отношениях и обеспечить мир и покой в общественной жизни.

Однако, критически осмысляя основы концепции “естественного права”, нельзя не вспомнить то значение, которым наделял это понятие Т. Гоббс. Для мыслителя было несомненным, что такое право принадлежит всякому человеческому существу, но лишь до тех пор, пока люди пребывают в так называемом “дообщественном состоянии”. Только будучи всецело предоставлен сам себе, человек не только может, но и обязан делать всё необходимое для поддержания своей жизни — и в этом своём праве ни один индивид не ограничен ни чем, кроме собственных сил и способностей. Именно отсюда английский философ выводил своё знаменитое заключение, согласно которому дообщественное состояние человека — это неизбежное состояние “войны всех против всех”. Но согласно этой же логике с переходом людей к упорядоченным (благодаря “общественному договору”) отношениям, картина резко меняется. Теперь каждый человек обязан ограничить свои притязания, подчиняясь воле властителя-суверена, облечённой в форму закона. Отсюда со всей очевидностью следует, что, будучи понятым таким образом, “естественное право” никак не может служить для оценки законов, установленных государством, — то и другое оказывается разделено непреодолимым барьером “общественного договора”. В дальнейшем проблема обернулась ещё одной стороной. Если первоначально дело шло об очевидных вещах, а именно: об обеспечении жизни и имущества изолированных индивидов, — то со временем с идеей “естественного права” стали связывать надежды на освобождение человека и грядущее обретение “Всеобщего Блага”. Только вот представления и о Свободе, и о Благе у разных мыслителей отличались весьма значительно.

Из вышеизложенного следует, что при самом искреннем убеждении в гуманности идеи “естественного права” внятно ответить на вопрос, что же конкретно оно собой представляет и как служит делу свободы или достижения Всеобщего Блага, так никому и не удалось. Наблюдаемое в истории мысли разнообразие взглядов свидетельствует

о непреодолимой субъективной предвзятости, обусловленной мировоззрением и ценностными установками каждого из участников этой продолжительной полемики. Сообразно этим установкам (по сути, произвольно) формулировались и требования к позитивному праву — вплоть до отказа признавать те или иные законоположения правовыми.

Однако нельзя не видеть, что сторонники либертарной трактовки сущности права не в состоянии ответить на очень простой, но неизбежный вопрос: что такое право, когда и если оно не имеет формы закона? И обратно: какой смысл имеет понятие “неправовой закон”, с каким обладающим всеобщей значимостью эталоном мы должны сравнить те или иные конкретные законоположения, чтобы быть в состоянии вынести вердикт об их правовом, или, напротив, не правовом характере? Понятно, что до тех пор пока представление о таком универсальном, применимом ко всем без исключения правовым системам эталоне не выработано и не стало общепризнанным, подобного рода утверждения лишены достаточного основания и обречены оставаться бездоказательными декларациями.

Подводя итоги краткого экскурса в проблематику философии права, повторим ещё раз, что возможность корректного разрешения проблемы обоснования права открывается благодаря обращению к реалиям культуры, прежде всего культуры правовой, взятой в единстве со сложившейся структурой социальных связей. Всё вместе оценивается функционально — по критерию “адаптивной ценности” применительно к наличным условиям. Такой подход позволяет, в частности, утверждать, что идея К. Маркса об объективной исторической обусловленности форм права, соответствующим образом переосмысленная, и сегодня не утратила своего эвристического значения.

В.Н. Корнев, проректор по научной работе, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юрид. наук. О структуре юридической науки.

Вопрос относительно научности юриспруденции характерен не только для отечественной¹⁰, но и для зарубежной юридической науки.

Сомнения о научности юриспруденции одолевали Иеринга, о чем свидетельствуют его слова,

¹⁰ См.: Стандарты научности и *homo juridicus* в свете философии права. Материалы Пятых и Шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / Отв. ред. В.Г. Графский. М., 2011.

направленные против схоластической юриспруденции понятий. Он едко высмеивал оторванные от реальной жизни юридические абстракции. В итоге Иеринг пришел к выводу, что цель, а не юридическое понятие – это творец всякого права¹¹. В Германии в 1848 г. появилась книга Ю. Кирхманна (*J. Kirchmann*) “Бесполезность юриспруденции как науки” (*Die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft*)¹². В ней он заявлял, что юриспруденция как наука не представляет никакой ценности. Ученый полагал, что в этом повинны в наибольшей степени юридические факультеты, которые, вместо того чтобы исследовать истинные проблемы права, обратили взоры исключительно на позитивное право как установление государственной власти, считая работу с юридическими понятиями единственным предметом юриспруденции. Кирхманн вполне обоснованно делал вывод о том, что знание о праве, которое закрепляется и выражается в абстрактных категориях догматической “юриспруденции понятий”, далеко от того, чтобы более или менее точно и адекватно выражать реальные факты жизни. Методы юридической догматики, доведенные до абсурда, уничтожают саму профессию юриста, а вместе с ней и юридическую науку вообще.

В 1917 г. вышла в свет книга немецкого ученого Л. Нельсона (*L. Nelson*) “Наука о праве без права” (*Die Rechtswissenschaft ohne Recht*)¹³. Ученому уже тогда было ясно, во что может превратиться юридическая наука, если понимать ее исключительно как ремесло, служащее слепому повиновению закону, или как искусную технику рассмотрения конкретных юридических случаев. Этот вопрос, вне сомнения, остается актуальным по сей день как для немецкой, так и для отечественной юриспруденции.

О. Эрлих критикует традиционную науку права, которая понималась в то время исключительно как учение о правильном применении позитивного права¹⁴. Г. Кельзен высказывался о том, что наука о праве (*Rechtswissenschaft*) – это провинция, расположенная далеко от центра ду-

ховной жизни, куда научный прогресс приходит с большим опозданием¹⁵.

В русской науке права Н.Н. Алексеев отмечал, что особенности юридической догматики не могут не привести юриста к некоторым сомнениям относительно ценности его науки. Не является ли она наукой о “юридическом словоупотреблении”, наукой, следовательно, номинальной, словесной? Вместе с тем нельзя, как верно утверждал Н.Н. Алексеев, отрицать практическую ценность этой науки¹⁶.

В современном издании, вышедшем недавно на немецком языке, его авторы задаются вопросом: «Вообще-то юридическая наука – это “наука” или только техника умелого обращения с текстами законов и иных нормативных правовых актов, судебными решениями и решениями других органов публичной власти. Это только юридическая догматика и риторика?»¹⁷.

Следует отметить, что право как предмет юридической науки является продуктом человеческого сознания и воли, поэтому для него характерна относительная произвольность как при установлении, так и при применении. Право формулируется, устанавливается и применяется людьми, которым свойственно заблуждаться. Поэтому право может выражать феномены сознания заблуждающегося человеческого ума и страсти, которые обуревают человека и толкают его на различные злоупотребления, в том числе и на установление таких законов, которые квалифицируются как законное неправое. Тот, кто думает иначе, тот отрицает реальность.

Право, с одной стороны, есть объективно необходимое условие человеческого существования: обществу постоянно угрожают анархия и хаос, поэтому право необходимо как средство, обеспечивающее в той или иной мере замиренную среду в социуме. С другой же стороны, в вопросах его “правильности”, “истинности”, “справедливости” и т.д. право по своему содержанию – продукт исторически обусловленного человеческого установления и применения. Поэтому право изменчиво и относительно. Двойственная природа правовой реальности определяет проблематику юридической науки и правосудия.

¹¹ См.: *Jhering R. von Scherz und Ernst in Jurisprudenz: eine Weihnachtsgabe für das juristische Publikum*, 13. Aufl. Leipzig, 1924, unverand. Nachdruck. 1964. S. 247f., 253.

¹² См.: *Kirchmann J. Die Wertlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft* (1848). Nachdruck, Freiburg, 1990.

¹³ См.: *Nelson L. Die Rechtswissenschaft ohne Recht* (1917). 2. Aufl. Göttingen, 1949 (Neudruck 2. Aufl. Hamburg, 1971).

¹⁴ См.: *Эрлих О. Основоположение социологии права* / Пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011. С. 69.

¹⁵ См.: *Kelsen H. Reine Rechtslehre*, 2. Aufl. Wien, 1960 (Nachdruck 1992). S. VI.

¹⁶ См.: *Алексеев Н.Н. Основы философии права*. СПб., 1999. С. 23.

¹⁷ *Rutters Bernd, Fischer Christian, Birk Axel. Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre*. 7 überarbeitete Auflage. München, 2013. S. 174.

Несмотря на субъективно-объективную природу юридического осмысления социальных фактов, за юриспруденцией признается статус науки. По мнению авторов уже упомянутой ранее монографии, юриспруденция представляет собой **нормативную, эмпирическую и аналитическую науку**¹⁸.

Ее **нормативность** проявляется в том, что она занимается исследованием норм должностования, а также ценностными нормативными высказываниями, их применением и реализацией. Поэтому именно в этом проявляется тесная взаимосвязь юридической науки и этики.

Эмпиризм, а значит **социологизм**, юридической науки состоит в том, что она исследует воздействие норм права на общественные отношения, т.е. юридическая наука социально обусловлена. Поэтому юридическая наука призвана выявлять те интересы, которые выражают нормы права, исследовать социальные последствия, наступающие после установления соответствующих норм права, и т.д.

Наконец, юридическая наука имеет **аналитический характер** по причине того, что исследует системные отношения и связи между нормами права и языковой формой их выражения, а также способами и формами юридической аргументации. Иначе говоря, юридическая наука – это также наука, исследующая правовые тексты нормативного и индивидуального характера.

Юриспруденция – это такая наука, объектом исследования которой являются право и государство. Она состоит из различных отраслей юридической науки, имеющих свой предмет исследования. Следует отметить, что в ряде публикаций ученых-юристов России юридическая наука отождествляется с теорией государства и права, что, конечно же, является ошибочным. Рассмотрим подробнее каждую из составляющих юридической науки.

1. Юридическая догматика (догматическая юридическая наука). Она составляет часть теории права и вместе с тем относится к так называемым *отраслевым юридическим наукам*. Поэтому вполне правомерны будут рассуждения, во-первых, о догме права в ее общетеоретическом смысле, тогда теория права выступает как мета-догматика, поскольку она обобщает наработки отраслевой юридической догматики и на их основе вырабатывает общие абстрактные понятия, значимые для всей юридической науки. Во-вторых, в этой

связи будут вполне обоснованными суждения о догме конституционного, гражданского, административного права и т.д. Теории права и государства так же, как и юридической науке в целом, присущи аналитическая, эмпирическая и нормативная функции.

Понятия и определения, выработанные юридической догматикой права, используются для проведения историко-правовых исследований. Юридическая догматика концентрируется на установлении обязательности правовых предписаний, на их анализе, интерпретации и систематизации. **Предметом юридической догматики** является система надлежаще установленных, выраженных в речевых (в основном письменно оформленных) актах, официально опубликованных, правилах поведения, адресованных неопределенному кругу лиц.

Догма права, по С.А. Муромцеву, есть исследование какого-либо действующего права в интересах применения его на практике. Догматическое исследование, как считал С.А. Муромцев, предполагает: *описание* нормативных предписаний как системы действующего права; *обобщение* понятий и правовых предложений с целью выведения начал (принципов) действующего права; *определение*, поскольку догма права изобилует определениями: “источник права”, “закон”, “субъект права” и т.д.; *классификация* – расположение соответствующим образом правил, принципов и определений в систему, что составляет высший и завершающий процесс догматики. Хотя С.А. Муромцев считал догматику искусством, но не наукой, однако как раз в силу указанных свойств “именно догма права, – следует согласиться с С.С. Алексеевым, – во многом делает юридическую науку действительно наукой, причем такой, которая в принципе находится на той же плоскости, что и естественные, технические, наукой, имеющей преимущества и достоинства гуманитарных отраслей знания”¹⁹.

Юридическая догматика – это “сокровищница” практического опыта решения конкретных юридических проблем. Юридическая догматика покоится на основных ценностях, определяющих всякий правопорядок.

2. Общетеоретические науки: философия права, теория права. Эти науки концентрируют свое внимание на формулировании общетеоретических суждений на тему сущности права как социального явления, его целей, функций, оснований обязательности. Здесь предметом исследований

¹⁸ См.: *ibid.* S. 173.

¹⁹ Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 34 и след.

будет **норма права** как понятие, выработанное наукой, а не правотворцем.

Философия права ставит вопрос о сущности права, о ценностях, которые оно выражает, которым оно должно служить и в действительности служит, а также дает обоснование системы права и идеи, которые оно выражает. Здесь подлежат исследованию проблемы онтологии, эпистемологии, аксиологии и методологии.

Теория права решает задачи, относящиеся, пожалуй, также к философии права, но обогащенные рефлексией относительно тематики и проблематики, важной для юридической практики (например, источники права, толкование права, применение права, понятие и виды нормативных правовых актов и т.д.). Для теории права характерна попытка построения упорядоченных соответствующим образом общих и обычно дискриптивных (описательных) суждений о праве. В этом смысле, как уже отмечалось ранее, теория права и государства может рассматриваться в качестве мета-догматики.

3. Исторические науки (*история права и государства*) констатируют, что если существующее (современное) устройство государства есть результат исторического процесса, то для лучшего понимания современных норм права необходимы хорошие знания о ранее действовавших нормах права.

4. Эмпирические науки (*например, социология права*) исследуют закономерности развития общества и государства, реальное функционирование права как одной из нормативных систем в обществе, а также действие норм права в отдельных сферах общественной жизни. Социология носит общеправовой характер, ибо ее методология может использоваться, например, в теории государства и права и имеет отраслевое предназначение.

5. Для права и юридической науки в целом, как и любой другой, существенным признаком является ее **язык**, которому присущи свои особенности. Язык юридических текстов и отчасти юридической науки, согласно философии языка Л. Виттгенштейна, можно отнести к разряду искусственных языков²⁰. Право не существует помимо языка: оно им охватывается, артикулируется. Посредством языка право устанавливается, передается и становится известным неопределенному кругу лиц. Право состоит из правовых

предложений (предписаний) и существует в этих предложениях.

Научное описание права возможно только при помощи языка юридической науки. В языке передаются онтологические, аксиологические, теоретико-познавательные и семиологические подходы к пониманию права. В этом смысле юридическая наука представляет собой **аналитическую науку о текстах**. В этой области юридическая наука тесно связана с герменевтикой и философией языка. Подчеркну: юридическая наука (по смыслу слов, высказанных Л. Виттгенштейном, правда, в отношении философии) представляет собой проверенный временем инструмент в борьбе против околдовывания нашего разума при помощи нашего же языка. В “Философских исследованиях” (параграф 109) он писал: “Философия – это борьба против околдовывания нашего разума при помощи нашего же языка”.

Право как языковое явление – это система высказываний, выполняющих **суггестивные** функции, иначе говоря, способных влиять на наше поведение. “**Суггестию**” можно представить как арсенал средств и приемов направленного воздействия на установки личности. Юридический язык, язык закона навязывает человеку нормы социального поведения. Человек может совершить или, наоборот, не совершить только то, что заложено в нашем языке.

Юридическому языку свойственна **интенциональность**, т.е. он способен адекватно выражать цель, на достижение которой направлена воля правотворца. Можно рассуждать и о других особенностях языка права и языка юридической науки.

Важнейшим показателем научности теории является проверяемость ее положений с точки зрения “истинности” и “ложности”. В настоящее время существуют такие критерии научности, как **верификация и фальсификация**. Как представляется, оба этих критерия ориентированы на эмпирические науки, где можно, как, например, в естественных науках, провести эксперимент с целью проверки достоверности, верифицируемости полученного знания. Теория фальсификации К. Поппера также мало применима к специфике юридической науки, так как ее предметом являются нормы и принципы, посредством которых реализуются в реальной действительности заложенные в них **цели и ценности**. Цели и ценности, выраженные в нормах и принципах, а также основанные на них юридические теории не могут быть фальсифицированы ни данными эмпирических наблюдений, ни системой иных суждений,

²⁰ См.: Zirk-Sadowski M. Wprowadzenie do filozofii prawa. Warszawa, 2011. S. 90.

основанных на фактических данных, а только другими нормами и ценностями. В этом состоит один из критериев научности юриспруденции.

Предметом юридической науки являются нормы и принципы. Реализация выраженных в них целей и ценностей – это деятельность, ориентированная на социальную и политическую практику, а не на логико-математические схемы.

Таким образом, юриспруденция представляет собой специфическую **интегративную** науку, направленную на всестороннее познание таких сложных социальных явлений, как право и государство. В рамках выделенных отраслей юридической науки право и государство исследуются при помощи присущего каждому из них методологического инструментария.

А.В. Корнев, и.о. зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук, проф. Зачем и для чего нужна история и методология юридической науки?

В настоящее время в Российской Федерации осуществлен переход на двухуровневую подготовку юристов, а именно – бакалавриат (уровень высшего профессионального образования, срок обучения четыре года) и магистратура (уровень высшего профессионального образования, срок обучения два года). Это произошло в рамках болонского процесса (Болонская декларация, к которой присоединилась Россия 19 сентября 2003 г.), т.е. формирования единого образовательного пространства, что должно обеспечить взаимное признание дипломов и обеспечение равных возможностей для трудоустройства выпускников юридических вузов стран, которые к нему присоединились.

Отношение к этому процессу, если говорить объективно, в российском юридическом научном сообществе совершенно разное. Нет единства и среди практиков. Во многом это объясняется тем, что, как и многие реформы, реформа образования осуществлялась без широких общественных дискуссий. Впрочем, широкая научная общественность не привлекается и к формированию государственных образовательных стандартов. Во многом этот факт порождает состояние неопределенности, которое все еще имеет место применительно к дальнейшему развитию отечественного юридического образования. Личные ощущения подсказывают, что у нас до сих пор отсутствует четкая, осмысленная, рассчитанная на успех реформа образования. Мы видим, что некоторые

ведомства прилагают определенные усилия, чтобы несколько скорректировать политику в сфере образования, поскольку итоги этого реформирования не внушают даже осторожного оптимизма, не говоря уже о том, что это противоречит их корпоративным интересам, а в ряде случаев и страны в целом.

В рамках направления подготовки *юриспруденция* квалификация (степень) подготовки выпускника *бакалавр* основным учебным курсом кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) является “Теория государства и права”.

В рамках направления подготовки *юриспруденция* квалификация (степень) выпускника *магистр* кафедра осуществляет преподавание целого ряда дисциплин: социология права, философия права, история политических и правовых учений, сравнительное правоведение, методика преподавания права и, наконец, история и методология юридической науки.

При формировании учебного плана сразу же возникли определенные разногласия по поводу распределения этих учебных курсов между кафедрами. Социологи претендовали на социологию права, философы, соответственно, на философию права. В юридическом вузе кафедральная принадлежность этих дисциплин вполне очевидна, хотя её пришлось определенным образом аргументировать. В итоге пришли к мнению, что в рамках общей социологии социология права будет иметь одно содержание, а в рамках правовой науки – другое. Точно так же и с философией права.

Особых сложностей с кафедральной “пропиской” истории и методологии юридической науки не было. Пришли к соглашению, что читать историю юридической науки будет кафедра истории государства и права, а методологию юридической науки – кафедра теории государства и права в силу её, так сказать, методологической направленности.

Однако техническое решение проблемы не снимает вопросов сущностного, содержательного, а где-то и концептуального характера.

До сих пор дискутируют о том, что считать наукой вообще и юридической наукой, в частности. Несмотря на их многовековое существование, дискуссия продолжается. В отсутствие общепринятого понимания юридической науки пока не совсем еще понятно, чем наполнить её историю. Речь сегодня идет не о том, с чего начать, а правильно ли поступили в тех или иных вузах, формируя рабочие программы по истории

и методологии юридической науки, наполняя их соответствующим содержанием. В этой связи есть опасность свести историю юридической науки к истории политических и правовых учений, к государственно-правовым реформам, к теориям отдельных, пусть и выдающихся, мыслителей, прилагая к этому хронологический, страноведческий или, скажем, портретный подход. Вряд ли возможно изложить наиболее полную историю юридической науки без истории отраслевых наук. Например, учения о разделении властей, о собственности, суверенитете, преступлении, юридических лицах, о правилах ведения войны, государстве. Это ведь то же история юридической науки.

Есть определенный риск рассмотрения методологии юридической науки в отрыве от истории самой науки. В этом смысле каждому историческому этапу в развитии юридической науки соответствует тот или иной методологический инструментарий. Методология науки также имеет свою историю. В процессе преподавания курса необходимо органично связать историческое развитие того и другого, т.е. науки и методологии. Если же просто изложить историю юридической науки, а затем на этом фоне описать функциональные характеристики общенаучных, частнонаучных и специфических методов, то это может создать не совсем правильное представление о предмете. Здесь явно нужен синтез.

Необходимо исходить из того, что «История и методология юридической науки» представляет собой учебный курс – и только. В этой связи ставить перед ним какие-либо проблемы, которыми должна заниматься наука, бессмысленно. Задача этого курса состоит в том, чтобы, во-первых, магистрант имел представление о том, как развивалось юридическое научное знание, и, во-вторых, какие методы использовались или могут использоваться в процессе решения разнообразных исследовательских задач.

К сожалению, нельзя избежать некоторого вторжения различными юридическими науками на предметные поля друг друга. Как бы мы не ограничивали юридические науки и учебные курсы, тем не менее все они так или иначе изучают государство и право в их сложной взаимообусловленности. Пугаться этого не стоит. Как всегда, вопрос лишь касается приемлемой меры такого вторжения. Например, историю политических и правовых учений нередко называют историей теории государства и права. В свою очередь, наиболее плодотворно можно теоретизировать только на определенном фактическом и одновременно

историческом материале. Так что все в той или иной степени взаимосвязано. Например, если назначение философии – устанавливать скрытые связи между специализированными областями общественной жизни и специализированными отраслями знания, то назначение общей теории права и государства – устанавливать связи и закономерности, которые пронизывают все юридические науки и цементируют их как нечто иное по отношению к другим отраслям знания. Вполне понятно, что теория государства и права, будучи сама методологической дисциплиной, никоим образом не может быть частью истории и методологии юридической науки, равно как и наоборот.

Пугает вовсе не вероятность некоторого смешения предметных полей дисциплин общенаучного цикла ООП в системе магистерской подготовки, а буквально смехотворное количество часов, отводимое на их изучение. В магистратуре, ориентированной на формирование фундаментальной подготовки, на историю и методологию юридической науки отводится два лекционных часа, так же как на философию права, историю политических и правовых учений. В этих условиях никаких рисков на этот счет быть не может. Например, лекцию по истории и методологии юридической науки на всем потоке проводят два преподавателя: 45 минут читает представитель кафедры истории государства и права, другие 45 минут – представитель кафедры теории государства и права. Ситуация, надо сказать, не лишена комичности.

Необходимо сказать, что те студенты, которые пришли в магистратуру сразу после бакалавриата, т.е. в возрасте 21 года, то они, как правило, на малое количество часов не жалуются, а люди постарше чаще всего сетуют на отсутствие возможности получения необходимых теоретико-фундаментальных знаний.

Хотелось бы отметить, что в настоящее время, к сожалению, к дисциплинам теоретического и исторического профилей несколько изменилось отношение. Очень часто, опять же, к сожалению, сами теоретики и историки дают для этого повод. Все чаще можно слышать голоса о том, что эти дисциплины вообще не нужны, поскольку у них нет никакого собственного предмета. Никаких закономерностей якобы в развитии общества нет, тем более их нет в государственно-правовой сфере. Отраслевые дисциплины могут совершенно спокойно обходиться без всяких общих теорий или историй. Да, такие тенденции появились. Однако трудно, а если быть более точным – невозможно опровергнуть Ш.Л. Монтескьё: «Если бы падающий камень обладал сознанием, он бы ду-

мал, что падает свободно”. В нашем же случае — не камни, а люди, общество, государство. Речь идет о функционировании сложнейших макросистем в их взаимосвязи и взаимодействии. Размывание общих подходов, принципов, понятий и конструкций самым пагубным образом уже отразилось на правотворческой и правоприменительной деятельности, диссертационных исследованиях, учебниках по отраслевым дисциплинам. Некоторые из них просто изобилуют образцами юридического невежества.

История и методология юридической науки призвана сформировать своеобразный стиль интеллектуальной деятельности применительно к правовой сфере. Магистрантам он необходим не только для подготовки магистерского исследования должного уровня, но и для формирования опыта осмысления социально-правовой действительности. Если мы утратим сочетание фундаментальности с прикладной составляющей, то это, безусловно, будет серьезной потерей для юриспруденции во всех её ипостасях.

В.М. Сырых, руководитель отдела теории права, государства и судебной власти, профессор Российского государственного университета правосудия, доктор юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ

Включение в программы магистерского обучения курса “История и методология юридической науки” представляет собой примечательное явление, поскольку ликвидирует заметный пробел в сфере высшего юридического образования, выразившийся в отсутствии дисциплины, ориентированной на формирование у обучающихся элементарных компетенций в сфере методологии творческого, научного мышления. Тем самым снято противоречие между требованием к выпускникам юридических вузов иметь навыки научно-исследовательской деятельности, без которой в современных условиях практически невозможно профессиональное осуществление практической деятельности, и программами высшего юридического образования, не предусматривающими специальных курсов в этой сфере.

Согласно логике программ магистерского обучения курс “История и методология юридической науки” призван обеспечить формирование у магистрантов умений и навыков, необходимых для профессионального ведения научно-исследовательской работы и позволяющих на высоком профессиональном уровне подготовить и защитить магистерскую диссертацию. Сообразно Федеральному государственному образовательному стандарту ВПО магистерская работа должна

представлять собой самостоятельную и логически завершенную работу. Ее автор должен показать свои способности и умение самостоятельно решать на современном уровне задачи профессиональной деятельности, профессионально излагать специальную информацию, научно аргументировать и защищать свою точку зрения.

Таким образом, компетенции выпускника магистратуры ограничиваются достаточно элементарным, простейшим уровнем научно-исследовательской, эвристической деятельности: излагать специальную информацию, формулировать свою точку зрения, ее научно аргументировать и уметь защищать. Особых требований к научной новизне магистерской диссертации госстандарт не предъявляет и ограничивает ее самостоятельным решением на современном уровне задач своей профессиональной деятельности, т.е. специалиста по преимуществу в области юридической практической деятельности.

Однако, по нашему мнению, курс “История и методология юридической науки” должен обеспечивать формирование навыков и умений, необходимых для ведения научно-исследовательской деятельности в области правоведения, несколько выше названных требований госстандарта. Следует учитывать, что магистр может совмещать практическую работу с научно-исследовательской, готовить научные статьи, изучать и обобщать практику либо занимать должности, непосредственно связанные с ведением научно-исследовательской деятельности. Поэтому он должен, как минимум, владеть методами и методиками получения нового эмпирического и теоретического знания в области правоведения, уметь обосновывать и логически последовательно излагать полученные новые знания, раскрывать место полученных им положений, выводов в системе имеющихся знаний правовой науки.

В свете изложенных задач предмет курса “История и методология юридической науки” должен предусматривать формирование следующих знаний, навыков и умений: 1) профессиональных представлений о специфике научного знания в области правоведения, его уровнях и формах выражения; 2) знаний о составе отрасли науки, его компонентах и их взаимосвязи; 3) знаний основных этапов истории становления и развития правовой науки как социального института, ориентированного на совершенствование, развитие права и практики его применения, на повышение их уровня научной обоснованности; 4) знаний методов, используемых в процессе познания

предмета и объекта правовой науки, особенностей их применения, основных видов правовых исследований и исследовательских процедур; 5) владение методами и методиками подготовки магистерской диссертации.

Органическое сочетание теории и методологии научных исследований в данном курсе имеет особое значение. Невозможно со знанием дела усвоить методологию и методику научной работы, не имея достаточных представлений об особенностях научного знания, предъявляемых к нему требованиях, элементах, из которых формируется отдельная отрасль юридической науки. Столь же необходимыми предстают общие представления о системе методов, используемых правоведами в процессе познания предмета и объекта правовой науки, о содержании основных исследовательских процедур и их взаимосвязи. При этом особо значимыми предстают практические занятия по формированию у обучающихся навыков проведения отдельных исследовательских процедур.

В настоящее время имеются четыре нерешенных проблемы, затрудняющих процесс преподавания курса: 1) отсутствие преподавателей, способных на высоком профессиональном уровне вести данный курс; 2) включение в курс проблем, не предусмотренных его предметом; 3) недостаточное количество часов; 4) отсутствие занятий, ориентированных на формирование у обучающихся навыков научно-исследовательской работы, необходимых для подготовки магистерской диссертации.

Проблемы методологии правовой науки хотя и затрагивали фундаментальные проблемы правоведения, но искони находились на периферии научных исследований, проводились узким кругом специалистов, поскольку больших потребностей во всестороннем и глубоком знании методологии познания права и государства не испытывала ни сфера научных исследований, ни сфера образования. С введением в программы магистерского обучения курса “История и методология юридической науки” возник острый дефицит в специалистах в области методологии правовой науки. Частично он был разрешен тем, что к чтению курса были привлечены теоретики права и государства, философы, а кое-где и историки государства и права.

Привлеченные к чтению непрофильного для них курса специалисты стали по возможности наполнять его знакомыми им темами и удалять из программы вопросы методологии и методики правовых исследований. Теоретики права включили в

курс проблемы правопонимания, философы – методологию современного познания, культивируемую представителями субъективного идеализма и не получающую применения на практике научных исследований права и государства, а историки сделали главный акцент на изучение истории науки в целом и правовой науки, в частности.

Например, программа курса “История и методология юридической науки”, действующая в Высшей школе экономики²¹, отводит на обучение 270 часов, из которых 54 – лекционные и 40 – семинарские. В этой части программа заслуживает внимания и поддержки. Однако в курсе отсутствуют темы, ориентированные на решение его основной задачи – формирование навыков и умений научно-исследовательской работы. 22 часа отводятся изучению истории юридической науки, 16 часов – общим вопросам теории и методологии юридической науки. В самом общем виде рассматриваются и собственно методологические темы. Догматическая юриспруденция читается два часа, социологическая юриспруденция – четыре, системный подход и синергетика в праве – четыре, элементы системной методологии – четыре часа. В результате наполненный названными темами курс оказался не способным выполнять свою главную задачу – формировать у обучающихся навыки и умения научно-исследовательской работы. В лучшем случае он дает лишь общие представления о методологии правовой науки в целом.

Другой существенный недостаток преподавания курса “История и методология юридической науки” характеризуется крайне недостаточным числом лекций и семинарских занятий. Так, рабочая программа “Истории и методологии правовой науки” МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) на лекции отводит четыре (!) часа, 16 – на семинарские занятия и 52 часа – на самостоятельную подготовку²². Акцент на самостоятельную работу обучающихся при обучении данному курсу пока что не имеет под собой должных оснований. Во-первых, практически отсутствует соответствующая учебная и научная литература. Во-вторых, темы, подлежащие самостоятельному изучению, ранее магистрантами не изучались. У них нет для самостоятельного обучения необходимой

²¹ См.: История и методология юридической науки. М., 2010 // <http://www.google.ru/url?sa> (Дата обращения: 5.11.2015 г.).

²² См.: История и методология юридической науки. М., 2013 // [file:///C:/Users/09/Downloads/ПП_История_методологии_юридической_науки%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/09/Downloads/ПП_История_методологии_юридической_науки%20(1).pdf) (Дата обращения: 5.11.2015 г.).

теоретической базы и навыков ведения научно-исследовательской работы.

В целях повышения значения курса “История и методология юридической науки” в качественной подготовке обучающихся по программам магистерского обучения полагаю необходимым под эгидой ведущих юридических вузов (юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) провести конференцию (семинар, “круглый стол” и др.), посвященную проблемам содержания данного курса и методики его преподавания, подготовки учебников и учебных пособий. Практикуемое ныне разнообразие в определении содержания курса, программы и методики его преподавания должно быть сведено до пределов разумного, способного обеспечить решение основной задачи курса – формирование у обучающихся навыков и умений ведения исследовательской работы.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юрид. наук. О преподавании учебного курса “История и методология юридической науки”

Развитие магистерской подготовки в системе высшего юридического образования дает возможность обобщить опыт преподавания истории и методологии юридической науки – одного из обязательных учебных курсов для студентов магистратуры. В течение ряда лет этот курс преподается на кафедре теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Из представленных положений что-то уже внедрено в практику преподавания, в той или иной степени реализовано в кафедральном учебнике²³, что-то в дальнейшем будет использовано для совершенствования содержания курса.

Каждая учебная дисциплина высшего юридического образования имеет в своей основе соответствующее научное знание. Принципиальным является вопрос: на какую науку опирается история и методология юридической науки как учебная дисциплина? Ее название дает основания для разного рода суждений.

Методологические проблемы юридической науки традиционно разрабатываются теорией государства и права, в отраслевых юридических науках также имеются свои методологические традиции. Сложнее с “историей юридической на-

уки”, которую можно рассматривать в контексте и истории государства и права, и истории политических и правовых учений, и истории развития отраслевых юридических наук.

Несомненно, что основной учебный материал должен находиться в рамках научной специальности “теория и история права и государства; история учений о праве и государстве”, но и при признании этого практика преподавания и конструирования структуры и содержания учебного курса “История и методология юридической науки” чрезвычайно разнообразна, чаще всего она зависит от научных предпочтений преподавателей и авторов учебных изданий.

В учебном курсе “История и методология юридической науки”, преподаваемом в МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), получают освещение вопросы понятия и значения метода и методологии, проблемы классификации методов правового исследования, дается характеристика общим, частнонаучным и специфическим методам юридической науки. Предполагается ориентация не только на традиционный материал, но и на новые подходы и терминологию. Так, например, речь идет о смене парадигм правовых исследований, о разных типах научного познания, о классической и неклассической методологии, о синергетике, герменевтике, экзистенциализме и т.д.

Необходимо иметь в виду и отраслевую направленность исследовательской работы магистрантов; в какой-то степени учитываются методологические традиции, сложившиеся в рамках соответствующей отраслевой юридической науки (в зависимости от той или иной магистерской программы).

Отраслевые юридические исследования чаще всего сориентированы на анализ законодательства и правоприменительной практики. Поэтому в курсе “История и методология юридической науки” особое внимание уделяется формально-юридическому и социологическому методам. Предполагается, что магистрант в рамках догматического исследования должен уметь давать анализ содержания нормативного правового акта, его качества (прежде всего соответствия требованиям юридической техники) и эффективности действия. При выявлении недостатков в правовом регулировании следует, с одной стороны, видеть и предлагать направления совершенствования законодательства, с другой – уметь грамотно проанализировать негативные последствия несовершенного правового регулирования для юридической практики, а также те механизмы, которые

²³ См.: Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юридических вузов / Под ред. А.В. Корнева. М., 2016.

вырабатываются в практике для преодоления недостатков нормативных правовых актов.

Термины “история” и “методология” в названии учебного курса полагаются равнозначными. Все-таки, как представляется, основное значение курса для магистерской подготовки – именно методологическое. На это недвусмысленно указывает необходимость написания магистерской *диссертации*, проведения самостоятельного *исследования*, для чего нужно прежде всего владение современной общенаучной и юридической методологией. Основу исторической части рассматриваемой учебной дисциплины вполне может составлять история основных методологических подходов к исследованию юридических явлений, к построению политико-правовых доктрин. Учебное изложение такой истории в принципе существует. В рамках курса “История политических и правовых учений” говорят об их методологической составляющей (противопоставляя, например, рационализм учений Нового времени теологической парадигме средневековья). При этом речь идет не о дублировании материала. В рамках учебного курса “История и методология юридической науки” проблема исторического развития методологических оснований правовых доктрин получает несколько иную концептуализацию.

Необходимость учета межпредметных связей является более общей проблемой. Необходимо иметь в виду, что история и методология юридической науки преподаются на первом году обучения в системе дисциплин, которые дают фундаментальную юридическую подготовку. Это не только история политических и правовых учений, но и философия права, социология права, сравнительное правоведение. На то, что соответствующий материал магистранты проходят или будут проходить, также сориентировано преподавание истории и методологии юридической науки. Так, например, предполагается, что особенности социологического или сравнительно-правового методов в большей степени будут охарактеризованы в рамках социологии права или сравнительного правоведения.

В уже упоминавшемся кафедральном учебнике концептуально реализованы многие идеи проф. В.В. Лазарева о преподавании истории и методологии юридической науки. Это и авторские подходы к структуре и изложению основного учебного материала (разд. 1 “Лекционный курс”), и предназначенные для разбора на семинарах фрагменты работ ученых разных эпох, характеризующие основные исторические и современные методологические традиции (разд. 2 “Курс

семинарских занятий”, содержащий около сотни таких фрагментов), и часть с тестовыми и практическими заданиями (разд. 3 “Курс практических занятий”). Особо следует сказать о желательности введения в учебные планы магистерской подготовки и практику преподавания истории и методологии юридической науки Практикума по отработке оформления и защиты диссертационного исследования в части правильного формулирования его объекта и предмета, целей и задач, грамотного изложения предполагаемой к использованию общенаучной и частнонаучной методологии. В учебнике разработан и примерный вариант содержания Практикума. Оправданно также привлечение преподавателей, ведущих историю и методологию юридической науки, к итоговой аттестации магистрантов (участие в рецензировании магистерских диссертаций, в государственной экзаменационной комиссии по приему выпускного экзамена и защите магистерской диссертации). Подобная практика хорошо зарекомендовала себя в МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Она позволяет оценить полученную методологическую подготовку, применение знаний о методологии юридической науки при написании магистерских диссертаций, повысить их качество.

Учебный курс “История и методология юридической науки” занял свое место в рамках магистерской подготовки юристов. На сегодняшний день налицо разные подходы к решению многих принципиальных проблем его построения, содержания, методики преподавания. Это обуславливает активное обсуждение данных проблем на научных и методических форумах.

Е.А. Фролова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юрид. наук. Методология юридической науки: неокантианский подход

В философских и юридических науках особое место занимают проблемы методологии. Обилие фактического материала в правовой сфере порождает разобщенность юридических наук и сомнение в возможности единого обобщенного знания в этой области. В то же время (начиная с эпохи греческих мыслителей) зарождается тяга к философии как особому, целостному методу познания мира, независимо от границ эмпирических классификационных наук. Эта коллизия существует на протяжении веков. В начале XX в. известный отечественный теоретик, специалист по гражданскому праву Г.Ф. Шершеневич сокрушенно отмечал: “Теперь уже нет более юристов, а имеются только цивилисты, криминалисты, госу-

дарствоведы, процессуалисты, канонисты”. При углублении специализации возникает опасность для каждой из наук: для теоретических наук – в возрастающей ограниченности поля зрения на правовой порядок общежития, а для отраслевых наук – в ограниченности задачи изучения отдельных норм вне связи с оценкой общественного значения права. Можно согласиться с Г.Ф. Шершеневичем, что “разобщение юридических наук между собой отражается губительно и на теоретическом, и практическом правоведении”.

В настоящее время ощущается разрозненность, порой противостояние, с одной стороны, имеющих фундаментальный характер историко-теоретических наук и, с другой – обязательных для практикующих юристов отраслевых наук.

При таком положении в правовой науке существует потребность не только классификации составляющих ее наук, но и поиск четких критериев, сообразно с которыми возможна систематизация многогранной правовой материи.

Большой вклад в методологию науки вообще и социальных наук, в частности, привнесено западноевропейскими и русскими неокантианскими учениями в конце XIX – начале XX в. Представители марбургской и баденской школ неокантианства сформулировали новые методологические подходы: *номотетический* подход (*обобщающие науки* – “науки о природе” и “науки о духе”) и *идиографический* подход (*индивидуализирующие науки* – науки об их истории).

Один из основоположников баденской школы неокантианства Г. Риккерт определил границы естественнонаучного и исторического методов.

С помощью естественнонаучного метода образуются общие понятия; исторический метод имеет дело с конкретной действительностью и образует понятия по принципу “ценности”. Цель естественнонаучного познания – установление закономерной связи фактов между собой: это познание изображает объективную картину эмпирического бытия. Задача исторической науки заключается в установлении внутренней закономерности конкретных и общих явлений с точки зрения телеологии. Предметы и явления истории группируются сообразно критерию ценности.

Представители неокантианской философии (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, А. Риль, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Радбрух и др.) показали, что методология выясняет принципы систематически объединенного, общезначимого

и обоснованного знания о политико-правовой действительности.

В рамках этой философии выделяются две задачи методологии науки: *основная* (установить принципы, которые лежат в основе науки) и *производная* (дать систематическое учение о тех методах, при помощи которых что-либо изучается). Применительно к истории методологии науки – стремиться дать теорию исторического знания и выявить методы исторического изучения.

Теория исторического знания занимается установлением его принципов: с какой теоретико-познавательной позиции оценивается та или иная доктрина, то или иное событие; какое значение придается принципам причинно-следственных отношений и целесообразности в политико-правовых концепциях; каков критерий оценки, на основании которого производится выбор фактического материала; каким объемом ограничивается предмет познания и др.? Такие вопросы решаются авторами различно, поэтому в юридической науке при общем объекте исследования (право и государство) существуют разные правовые школы и направления.

Методология науки нацелена на выработку системы *понятий*. Наука вообще отличается систематическим единством, общезначимостью и обоснованностью своих положений, требующих ясного сознания ее принципов и методов. Знание методологии делает наши заключения более убедительными: должны быть единство основания (выдержанность основной точки зрения), последовательность в рассуждении и согласованность выводов, что позволяет производить критический анализ доктрин и исторических фактов. “Размышление над методологическими проблемами может быть весьма полезным уже в чисто формальном отношении: такое обсуждение оставляет в уме привычку к систематическому, методически правильному мышлению, а оно, разумеется, продолжает действовать и в сфере специальных исследований; оно всегда отражается, например, на точке зрения, с которой данный объект изучается, или на методе, который употребляется”²⁴ при исследовании политико-правовой материи.

Несмотря на то что научное открытие есть акт индивидуального творчества, методология важна при подготовке научных исследований. Одного “чутья”, “здорового смысла” для научного поиска недостаточно. Знание методологии дает возможность четко определить позицию автора, сооб-

²⁴ Липпо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I. Пг., 1923. С. 9, 10.

щает четкое следование данному направлению мысли, оказывает влияние на весь ход научного поиска и вообще ограждает исследователя от случайных настроений и поспешных выводов.

Методология права – наука более определенная по своему содержанию и менее широкая по своему объему (по сравнению с теорией, философией и социологией права). Она имеет своим предметом *учение о принципах и методах* политико-правовой науки и не рассматривает эволюцию права и историческую судьбу его доктрин.

В России идеи неокантианства применительно к области методологии юридической науки разрабатывали философы, историки и правоведы (С.Н. Булгаков, А.С. Лаппо-Данилевский, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, С.И. Гессен, Е.Н. Трубецкой и др.). Наибольший вклад в методологию правовой науки внес известный представитель баденской школы неокантианства Б.А. Кистяковский. В работе “Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права” (1916) он различал научно-теоретическое и юридико-догматическое изучение права.

Разница между общей теорией права и догматической юриспруденцией, по его мнению, заключается не в степени производимых ими обобщений, а в принципиально различных методах, применяемых в этих науках.

Задача *общей теории права* – научно познать реальное содержание права. Для решения этой задачи описательных методов юриспруденции недостаточно, необходимы *объяснительные* методы. В рамках этой науки право рассматривается как реальное явление: исследуются *социальная природа права* (отношения между субъектами права, противоречия в институтах, споры, компромиссные решения сталкивающихся интересов субъектов права и др.) и право *в качестве явления психики* (устанавливаются и анализируются элементы душевных состояний). В логическом отношении право должно быть обобщено, систематизировано и закончено.

Предметом *догмы права* является действующее или действовавшее в определенное время в каком-либо обществе право. Здесь используются *описательные* методы.

Догматическая юриспруденция исследует право как систему правовых норм, правовой порядок конкретного общества. Для изучения этой относительно замкнутой системы права достаточно применять принципы формальной логики, востребованные в описательных науках (обобщение,

классификация по группам, видам, родам и др.). Поскольку правовой материал в данном ракурсе исследования изучается исчерпывающе, то, следовательно, понятия, образованные с помощью формально-догматических обобщений, имеют общезначимый характер и обладают безусловной достоверностью.

Неокантианские мотивы в наибольшей степени проявились в раскрытии Б.А. Кистяковским целевого характера права. Исследование права как явления телеологического порядка предполагает его рассмотрение в сфере оценок и целей. Это уже область разработок не теории и догматической юриспруденции, а философии права.

Для неокантианской методологии юридической науки важно, что сущность права обуславливается трансцендентальными целями (право – продукт духовного творчества человека) и эмпирическими целями (право – инструмент организации совместной жизни людей). Трансцендентальные цели различны по своему источнику: одни присущи разуму (интеллектуальному сознанию), другие – совести (этическому сознанию). При определении природы права представители критической философии придавали определяющее значение этическим целям.

Ярким представителем этико-нормативной теории права в России на рубеже XIX–XX вв. был П.И. Новгородцев, относивший право к области нравственного должностования. В его концепции деонтическая этика, основу которой образует идея долга, сменяется аксиологической этикой с основополагающей идеей ценности. Согласно его философии права нормы морали носят постоянный характер, предписания права изменчивы. Результатом соотношения требований права и морали явилась концепция естественного права с изменяющимся содержанием.

Этическая сущность права не может быть сведена к какой-либо одной этической цели или к одному разряду этих целей. Право, по мнению Б.А. Кистяковского, обуславливается двумя этическими целями: оно есть носитель свободы и справедливости. Эти цели в разные времена наполнялись различным содержанием, однако они всегда были внутренне присущи праву в качестве стремления воплотить в себе свободу и справедливость наиболее полно и совершенно.

Вместе с тем неокантианцы обеих школ показывали, что нормативная природа права не исчерпывается этическим моментом – большое значение в праве придается логической составляющей. На этом положении выстраивается методология ис-

следования права в общей теории права и догматической юриспруденции. Сторонники философии И. Канта убедительно обосновали разумную природу правового феномена. Право — явление *рациональное*: разум определяет его сущность, обуславливая форму и содержание права.

Рациональный элемент в праве заключается в том, что оно предполагает сознательную деятельность людей; право состоит из норм — правил поведения, оно закрепляет нормальное, типичное поведение лиц для данного времени и общества. Одновременно в понятии права присутствует иррациональная составляющая.

Иррациональный элемент в праве проявляется на уровне правоприменения. Нормы права реализуются через правовые отношения, которые всегда конкретны, единичны и индивидуальны. С позиции неокантианской методологии область правореализации относится к иррациональной сфере, которая не может быть во всей точности предусмотрена законодателем.

Неокантианцы показали методологическую сложность правового феномена. С одной стороны, научное познание права требует плюрализма методов его исследования, с другой — право есть важнейший социальный регулятор. В этом смысле как социальное явление оно едино.

В работах западноевропейских и русских философов права обосновывался особый характер социальных наук. Так, например, объяснялось, что в отличие от объектов естественных наук социальные науки требуют сведения объектов в логические определения, т.е. они должны быть выражены в понятиях согласно правилам формальной логики. Кроме того, наука о праве не может довольствоваться только расчленением определений права и изолированным изучением его с разных сторон: только как социального либо только как психического явления, либо только как организационного фактора общественной жизни.

Для общей теории права принципиальное значение имеют различие концепций и система аргументов в пользу той или иной доктрины. Так, например, в рамках понимания права как свободы можно выделить концепции с обоснованием права как бытия свободы, меры свободы, ограничения свободы, способа существования прав и свобод человека; в случае определения права как воли следует разграничить право как государственную волю, божественную волю, волю его императорского величества, возведенную в закон волю экономически господствующего клас-

са, общенародную волю; при обосновании права как интереса можно обосновать право как выражение справедливых интересов, разграничение интересов, защиту интересов, выражение общественных интересов, меру труда и потребления и др. Следствием этого подхода в логическом отношении стали равнозначность политико-правовых доктрин и их конкурентоспособность.

Для философии права важен синтез всего знания о праве. Решить эту задачу можно в том случае, если, как полагал Б.А. Кистяковский, наука о праве будет ориентироваться не на отдельные гуманитарные науки, а на “философию культуры” и при ее посредстве на всю сумму гуманитарных наук, объединенных философией в целостную систему научного знания. При этом результатом такого синтетического познания права должно быть не терминологически новое определение права, а “раскрытие и постижение смысла права” (определение Б.А. Кистяковского); в этом ракурсе общая теория права соприкасается с философией права.

П.Л. Полянский, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук.
О значении историко-правовых исследований (На примере истории отечественного семейного права) для понимания эволюции методологии юридической науки

История и методология юридической науки, несмотря на кажущуюся сугубую “научность”, имеют огромное значение при подготовке специалистов по специальности “юриспруденция”. Проиллюстрировать это положение можно на конкретном примере. Так, М.В. Антокольская, автор неоднократно переиздаваемого учебника по семейному праву России, в своем кратком экскурсе в историю отрасли оценивает широко известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., как “мгновенно отбросивший наше законодательство на столетие назад”²⁵. С формальной точки зрения дореволюционное семейное законодательство и Указ от 8 июля 1944 г. действительно имеют нечто общее. Так, законы XIX в. запрещали судебное установление отцовства, то же самое видим и в Указе 1944 г. Дореволюционные законодательные нормы основывали семейные отношения на браке родителей. Указ 1944 г. при желании можно истолковать также, поскольку у детей, которых родили незамужние женщины, в метриках в графе “отец” ставился

²⁵ Антокольская М.В. Семейное право. Учеб. М., 2002. С. 75.

прочерк. Дореволюционные законы максимально усложняли бракоразводный процесс, установив две инстанции (Духовные консистории и Синод) и введя “увещание” супругов с целью христианского примирения. Указ 1944 г. впервые в советском семейном праве также ввел судебный порядок рассмотрения дел о разводе, установив две инстанции (районный народный суд и областной суд), обязав судей пытаться примирить супругов.

Однако на деле эта схожесть мнимая. До Октября 1917 г. бракоразводные сложности были вызваны церковным учением о нерасторжимости брака, а правовое положение незаконнорожденных детей определялось прежде всего задачей охраны недвижимой собственности дворянских родов. Указ 1944 г. исходил из иных задач: усложняя разводы, законодатель предпринимал максимальные усилия для сохранения полной семьи как идеальной формы устройства несовершеннолетних детей. Запретив установление отцовства в судебном порядке, Указ 1944 г. предотвращал распыление средств мужчин между несколькими семьями, что являлось серьезной проблемой в предвоенные годы. Кроме того, вместо весьма проблемного взыскания алиментов с фактических отцов мать-одиночка в соответствии с нормами Указа 1944 г. получала государственное пособие, причем в размере, сопоставимом со средними алиментами по стране того времени.

Осмысливая этот “казус” с теоретико-правовой точки зрения, можно сказать, что дореволюционное законодательство и Указ от 8 июля 1944 г. имели совершенно различные *предметы правового регулирования*. Дореволюционная и советская Россия являлись странами с совершенно различным строем, перед законодателем в обоих случаях стояли совершенно различные задачи, и лишь методы воздействия на регулируемые отношения имели некоторую схожесть. Однако известный специалист-отраслевик М.В. Антокольская увидела лишь эту внешнюю схожесть и не обратила внимания на существенную разницу между нормами досоветского закона и Указа времен Великой Отечественной войны. Подобная неверная оценка правовых средств, которые использовались в разное время для достижения разных целей, является важной методологической ошибкой, которая, увы, сказывается на качестве профессиональной подготовки юристов в настоящее время. Редкий студент на выпускных государственных экзаменах вполне способен оценить “социально-хозяйственное назначение” той или иной правовой нормы, которую ему приходится разбирать в рамках дипломного проекта или сдавая “специальность”.

У преподавателей-отраслевиков порой просто не хватает времени на то, чтобы обсудить со студентами подоплеку того или иного отраслевого инструментария, поэтому на лекциях и семинарских занятиях нередко звучит простой пересказ закона, одобренный некоторой толикой судебной практики.

Между тем методологические ошибки допускаются учеными-юристами не только в XXI в. История научных исследований в области отечественного семейного права, да и истории права вообще прекрасно показывает это. Так, известные дореволюционные исследователи М.Ф. Владимирский-Буданов, В.Н. Латкин, П.И. Числов и др. считали, что периодизацию истории права надо осуществлять по соотношению закона и обычая²⁶. В третьем, “санкт-петербургском” (или “имперском”), периоде (по их классификации) закон окончательно вытесняет обычай. Однако не только в XVIII в., когда начался, по мысли этих авторов, данный период, но и в XIX, и в XX в. семейно-правовые обычаи русской деревни не были вытеснены законом и даже сохранились в начальный период советской эпохи. Для обычного права, например, было характерно признание общей семейной собственности, а церковные брачные обряды были дорогим и необязательным дополнением к деревенской свадьбе. Можно и дальше перечислять брачно-семейные обычаи русского народа, которые в корне противоречили российскому законодательству и которые дореволюционный законодатель не мог и не хотел истребить. Таким образом, в своей оценке соотношения закона и обычая и, как следствие, в периодизации истории права указанные ученые явно допускали ошибку.

Иные исследователи рассматривают историю семейного права с модной ныне “гендерной” точки зрения. Этот подход зародился в России еще во второй половине XIX в. и “вернулся” к нам теперь, в том числе с помощью зарубежных исследователей. Так, американка В. Голдман рассматривает политику советского государства 30-х годов XX в. исключительно с точки зрения “женских интересов”. Рост количества детских яслей, койко-мест в роддомах, введение пособий многодетным матерям автор объясняет исключительно

²⁶ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д., 1995. С. 33; Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 2; Числов П.И. Курс истории русского права (Из ученых записок Императорского лицея в память цесаревича Николая). М., 1914. С. 9, 10.

желанием государства вовлечь в производство миллионы женщин²⁷. Между тем настоящая цель социальных мероприятий советского государства того времени – поощрить материнство и стимулировать женщину к семейной жизни, которая является идеальной средой для воспитания детей. Другая американка, М.Л. Маррезе, занимаясь историей прав женщин-дворянок, столь упорно держится за концепцию о традиционном “рабском” положении женщин в России, что причину снятия определенных ограничений для них по распоряжению недвижимыми имениями в XVIII в. объясняет не ликвидацией феодальной обязанности военной службы “с земли”, а видит в этом исключительно долгожданное расширение женских прав²⁸.

Еще одно традиционное заблуждение исследователей истории отечественного семейного права – явная переоценка роли православия и православной церкви. Так, О.П. Семенова утверждает, что дореволюционное “российское брачное законодательство, и светское и каноническое, всегда строилось на основании религиозных правил”²⁹. Такое заведомое “обеднение” научного исследования не позволяет адекватно оценить экономический смысл реформы Петра I, который ради привлечения шведских пленных на горнорудные промыслы позволил им жениться на православных женщинах без смены веры (что до Петра I было невозможно), а также сословную “начинку” законодательства Екатерины II, которая обязала командира полка перед женитьбой подчиненного офицера удостовериться в его материальном благосостоянии и “приличии” невесты. Наконец, концепция о господстве православного учения о браке в российском праве не позволяет даже задать вопрос о том, почему огромные массы “православных” не только отказывались венчаться, но и записывались в раскольники, чтобы избежать дорогой церковной обрядовости и процедурных сложностей.

Осознать указанные методологические ошибки исследователей различных эпох позволяет использование современного теоретико-правового понятийного аппарата. В данном случае выявление

ние *предмета правового регулирования* в каждом конкретном случае помогает обнаружить субъект правового воздействия (церковь, светская власть, общество), выявить задачи этого воздействия (соблюдение христианской чистоты верующих, решение сословных проблем или хозяйственных задач) и, как следствие, объективно оценить содержание православных канонов, правительственных постановлений или правовых обычаев.

Разобранные методологические ошибки применительно к задачам современного юридического образования позволяют прийти к следующим выводам.

1. История юридической науки – это не только изучение взглядов теоретиков и философов права прошлого. Возможно, прежде всего это изучение научных концепций и, что очень важно, методологических ошибок ученых-отраслевиков различных эпох. Выявление подобных ошибок с помощью комплексного анализа самих концепций и их базы – правовых норм прошлого – позволит сформировать у современных студентов не только профессиональное, но и зачатки научного правосознания.

2. Историю и методологию юридической науки целесообразно разрабатывать не только специалистам в области теории, но и истории государства и права. Историкам права в силу своих научных изысканий приходится оперировать как эмпирическим и нормативным материалом, так и научными концепциями на тех или иных этапах развития страны. Однако в своих разработках по данной проблематике историкам права следует опираться на понятийный аппарат, разработанный специалистами в области теории государства и права.

А.А. Гурьянов, канд. юрид. наук, доц. *Методологические особенности научных исследований в праве*

Правильный выбор методов научного познания есть ключевой момент в организации исследования в праве. Именно от знания предмета исследования и совершенства владения методами научного познания зависят точность и глубина научного знания, а также новизна исследуемых государственно-правовых явлений.

Начиная с эпохи Древней Греции и Древнего Рима по сегодняшний день отечественная и зарубежная юридическая наука выработала огромный инструментальный познания правовых и государственных категорий.

Как форма общественного сознания, опираясь на философское основание, юридическая на-

²⁷ См.: Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life. 1917–1936. N.Y., 1995. P. 272–276.

²⁸ См.: Маррезе М.Л. Бабые царство. Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / Авторизованный пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2009. С. 12, 19.

²⁹ Семенова О.П. Зарождение и развитие государственного регулирования семейных отношений в эволюции российского права с IX по XX века: историко-правовой аспект. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 9.

ука имеет свои предмет и объект исследования, эмпирический и теоретический уровни знаний, систему отраслей российского и международного права, свои познавательную, теоретико-методологическую, практическую, идеологическую, социально-культурологическую функции. Важнейшими элементами для дальнейшего развития правовых исследований являются методы научного познания.

Как известно, в теории государства и права сегодня применяются: всеобщий философский метод (объективности, познавательности, всесторонности, конкретно-исторического подхода); общие методы (анализа, синтеза, абстрагированного системно-структурного восхождения от абстрактного к конкретному); специальные методы правовой науки (статистические, конкретно-социологические, психологические, математические) и частные методы правовой науки (толкование права, сравнительно-правовой метод). При оценке и прогнозировании предполагаемых результатов исследования главное не сделать ошибки в выборе методов исследования и порядке их использования. Важно и соблюдение дедуктивного вывода – восхождение от конкретного к абстрактному.

На первичном этапе конкретного начинается работать эмпирический уровень, основывающийся на информационном способе. Он включает конкретно-социологические методы (наблюдение, анализ источников, анкетирование, интервьюирование) и социально-психологические методы (тесты, шкалы); толкование права.

Далее происходит сравнительное и индуктивно-статистическое обобщение с помощью сравнительно-правового и статистического методов. Последние результаты описываются, идет объяснение обобщенных фактов.

Следующий уровень – это восхождение от конкретного к абстрактному, основывающееся на догматическом методе. Абстрактный уровень содержит: определение понятий через ближайший род; видовое отличие категорий; генетическое определение исследуемого; определение понятия через противоположность.

На заключительном уровне осуществляется восхождение от абстрактного к конкретному, заключающееся в мысленном воссоздании новых, объективно существующих закономерных связей.

Как правило, уровни закономерностей возникают и исследуются по нарастающей. Это могут быть связи между компонентами отдельных

политико-правовых явлений (например, между гипотезой, диспозицией и санкцией в государственных нормативных правовых актах); связи системных политико-правовых явлений (система нормативных правовых актов, институты права, отрасли права); связи внутри правовой и политической надстройки (система права, правосознание, механизм государства); связи государства и права (политика, экономика, культура).

Конечная цель исследования будет достигнута, когда создастся система взаимосвязанных категорий и понятий государства и права на уровне единого целого. Такая цель есть апогей метода идеалистической философии Г. Гегеля – восхождение от абстрактного к конкретному. Классический пример применения данного метода – процесс изучения капиталистических экономических общественных отношений.

Перечисленные методы образуют основной метод теории государства и права – теоретический метод, который, образуя целостную систему, раскрывает предмет теории государства и права во всей его полноте и всесторонности.

Таким образом, теоретический метод включает следующие элементы:

- 1) методы сбора эмпирической информации (толкование, наблюдение, анкетирование, тесты);
- 2) методы обобщения (сравнительно-правовой, статистический, моделирование);
- 3) догматический метод как совокупность общих логических методов: аналогии, анализа, синтеза, абстрагирования;
- 4) методы системных исследований (системно-структурный подход, восхождение от абстрактного к конкретному).

Вместе с тем, как отмечают методологи права, несмотря на большой инструментарий способов познания юридической науки, сегодня до сих пор не раскрыта сущность права, так же как и философия не раскрывает полной картины организации и взаимодействия всего общества³⁰.

Кроме того, ограниченность философии влияет на ограниченность права. Отмечается, что наиболее близко к раскрытию закономерностей общества приблизилась материалистическая философия. Даже позитивизм в этом отношении уходит на второй план, так как он противоположен принципу диалектики.

³⁰ См., например: Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2014. С. 75.

Следует остановиться на опыте методологии отечественной и западноевропейской юридической науки, которые находятся в состоянии прогрессивного развития.

Коренные изменения в России во всех сферах общества в конце прошлого века повлекли за собой существенные изменения и в науке. В ст. 44 Конституции РФ появилась норма о свободе научно-технического и других видов творчества.

Сегодня российские и зарубежные ученые занимаются поиском новых методов познания права и выработки методологии комплексного изучения механизма правового регулирования. Активно используются такие философские подходы, как феноменология, герменевтика, философская антропология, синергетика. Перечисленные методы направлены на ликвидацию незнания сущности права, отмеченную еще 200 лет назад И. Кантом. Однако, по мнению некоторых ученых, последние перечисленные методы чрезмерно абстрактны³¹.

Предлагается и интегрированный способ изучения права, т.е. сочетание естественного права, философии и социологии права, позитивистской теории права. В то же время отдельные исследователи также отмечают больше предсказательный характер интегрированного способа, нежели его результаты³².

Выделяются и более эффективные методы. Например, сравнительное правоведение, появившееся еще в XIX в., сегодня активно разрабатывается под эгидой ЮНЕСКО и Международной академии сравнительного правоведения. Использование современной вычислительной техники облегчило проведение эмпирических исследований, уменьшило документооборот в органах власти, исследования стали дешевле и проще в организации.

Параллельно расширился объект правовой науки. Увеличились знания реально действующего права. Появились криминология как наука об изучении причин совершения преступлений, новые критерии оценки эффективности действия норм права. Такие тенденции привели к развитию социологии права как самостоятельной новой от-

расли правовой науки, основанной на эмпирическом исследовании.

В то же время, оценивая различные способы познания и имеющиеся результаты правовых исследований, закрепленную в Конституции РФ свободу творчества, можно заметить порождение методологического плюрализма, игнорирование, а то и огульную критику материалистической диалектики, заложенной полтора столетия назад К. Марксом и Ф. Энгельсом. Как видно, ориентация учёных на методологию релятивистского толка (феноменологию, герменевтику, синергетику) бывает тормозит, а не развивает юридическую науку.

Выходом из такого методологического кризиса являются возврат к диалектике Г. Гегеля и развитие материалистического понимания права, заложенные К. Марксом. Соответственно, важны не высказывания о путях познания государства и права, а действие методов, приводящих к достоверным теоретическим знаниям, таких как социология права, сравнительное правоведение.

Как представляется, при выборе методов для научных исследований в праве следует опираться на материалистическую теорию права, основанную на диалектическом материализме (первичности материи и вторичности сознания, познаваемости мира, закономерном и противоречивом развитии категорий “территория”, “население”, “власть” и других смежных категорий). Кроме того, материалистическая теория, являясь не достаточно адаптированной к специфике современного гражданского общества, называет своим объектом социальную практику в целом и тем самым полно и точно определяет круг правовых и социальных явлений, познание которых способно увенчаться раскрытием новых правовых закономерностей.

**Материалы “круглого стола” подготовила
Наталья Викторовна Кроткова, зам. главного
редактора журнала “Государство и право”,
канд. юрид. наук
(E-mail: krotkova2012@yandex.ru)
Natalya Krotkova, Vice-Editor-in-Chief of
journal “State and Law”, PhD in Law (E-mail:
krotkova2012@yandex.ru)**

³¹ См., например: *Честнов И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 7.

³² См., например: *Графский В.Г.* История политических и правовых учений. М., 2009. С. 723.